

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ЯДОВИТЫЙ ПОЦЕЛУЙ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ
ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Ядовитый поцелуй

«АСТ»

2008

Соболева Л.

Ядовитый поцелуй / Л. Соболева — «АСТ», 2008

ISBN 978-5-17-087537-5

Маргарите Спасской было семьдесят с хвостиком. Она считала, что испытала достаточно бед и лишений, бояться уже нечего, и спокойно доживала век. Но случилось так, что большую дружную семью ее единственного сына Глеба вырезали, не пощадив даже юных внуков. Неужели призраки прошлого смерчем ворвались в теперешнюю жизнь Маргариты Назаровны? И страшные события – вендетта потомков Василия Шестрюка, с которыми ее род враждовал еще с двадцатых годов? В те смутные времена мать Маргариты – красавица-дворянка – изуродовала красноармейца Василия Шестрюка, участвовавшего в расстреле ее семьи и попытавшегося обесчестить чудом уцелевшую девушку. Впоследствии судьбы злодея и жертвы тесно переплелись, породив новые трагедии. На помощь Маргарите приходит верный друг и сослуживец Глеба – капитан службы безопасности Сергей Лабутин... Ранее книга издавалась под названием «Поцелованный богом»

ISBN 978-5-17-087537-5

© Соболева Л., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

1		6
	Наши дни, ноябрь	6
	1920 год, Кубань	12
2		16
	Наши дни, спустя полторы недели	16
	1920 год. Око за око	22
3		24
	Наши дни, полгода спустя, май	24
	1920 год. Игроки	29
4		31
	Наши дни. Непростая вещь – выбор	31
	1920 год. Выигрыш	36
5		38
	Наши дни. Первое столкновение	38
	Тот же вечер. Египет	43
	1920 год. Мамаша	45
6		49
	Наши дни. Анонимка	49
	Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лариса Соболева

Ядовитый поцелуй

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Соболева Л.

© ООО «Издательство АСТ»

1

Наши дни, ноябрь

У нее возникли странные ощущения во время полета: самолет нестерпимо гудит, а кажется, что он стоит на месте, при этом вибрирует все тело. Маргарита Назаровна взглянула на соседей по ряду – им хоть бы хны. И внук прилип к иллюминатору, что он там видит? Она вытянула шею, посмотрела вниз... Высоковато. Странно выглядит земля сверху – внизу одни квадраты. Странно и скучно, будто на ней нет ничего живого, особенного, прекрасного. Еще во время посадки двадцатилетний внук Егор спросил:

– Ба, ты боишься лететь?

– Нет, – ответила Маргарита Назаровна.

И улыбнулась, как улыбаются мудрые люди, видя суетность и нервозность молодых. Она всегда, когда ей задавали риторический вопрос – боится ли она чего-нибудь, отвечала одним словом «нет». И ни у кого не возникало сомнений, что это так и есть, потому что Маргарита Назаровна не бравировала – ей это ни к чему, она не хотела показаться лучше, чем есть, ее «нет» было скромным, но твердым и уверенным. А по идее, человек должен бояться, ну хотя бы потерять родных, если не боится потерять самое дорогое – собственную жизнь. Маргарита Назаровна считала, что потерь было у нее достаточно в свое время, к тому же без них прожить еще никому не удавалось, посему доживала свой век в покое и без страха.

Разумеется, во время полета она не ощущала комфорта, в семьдесят с хвостиком самолеты весьма неудобный вид транспорта. Но несмотря на то, что это быстрый способ передвижения, Маргарита Назаровна терпела неудобства, не доставая внука ворчанием, он сам время от времени интересовался:

– Ты как, ба?

– Нормально, – отвечала она, не открывая глаз.

И дремала, но Егор не оставил ее в покое, толкнул локтем:

– Ба, смотри, смотри!

– Господи, как напугал, – усмехнулась она, подавшись к иллюминатору. – Что ты там увидел?

– Птицы. Журавли летят.

Внизу маленькие точки, составляющие огромный клин, двигались в обратном направлении. Маргарита Назаровна откинулась на спинку кресла, произнесла с нежностью:

– К теплу летят. Как их много... Это хорошо.

Как тут не припомнишь детство? Слыша осенней ночью курлыканье, Маргарита выскакивала на улицу посмотреть, как птицы выглядят, ведь в той местности, где она росла, их редко удавалось встретить. Но ничего не было видно, а курлыканье раздавалось совсем низко, казалось, протяни руку – и заденешь крыло журавля. И вдруг слышала голос мамы:

– Темно, Рита, ты их не увидишь. Журавли приносят счастье, если селятся рядом с домом.

Шла война, а они летели. Потом настал мир, а они все летели. Грубо говоря, счастье пронеслось мимо и очень высоко. Впрочем, никто не сумеет ответить, в чем оно состоит – счастье. Может, в том, что ты живешь...

По проходу между креслами шел седой пожилой мужчина. Где-то Маргарита Назаровна видела этого человека, но не могла вспомнить где, хотя быстро перерыла в памяти всех, кого знала.

Он шел с трудом, опираясь на трость, делая незначительные остановки и сосредоточившись на дорожке между креслами. Взгляд его блуждал, ни на ком не задерживаясь, мимоходом скользнул и по Маргарите Назаровне, после чего устремился вперед и... вернулся к ней.

Старик остановился, замерли и его глаза с отечными веками, дрогнули морщины, собираясь в один узел на скуластом лице, – он тоже вспоминал.

Первым его узнало сердце Маргариты Назаровны, тревожно екнуло раз-другой, на секунду замерло и застучало часто-часто. В то же самое время черты старика постепенно выправлялись в ее воображении, создавая другое лицо – молодое, дерзкое, непримиримое...

Старик сделал еще несколько неуверенных шагов, словно не он руководил ногами, задержался рядом с Маргаритой Назаровной и, чуть склонившись, всмотрелся в ее лицо с каким-то тупым недоумением. Ей стало не по себе от этого взгляда, пронзающего десятки прожитых лет, заглядывающего в душу, смущающего и тревожащего. Она уже хотела сказать старику грубость, хотя грубить – это не в ее духе, только чтоб он сгинул, как вдруг до нее долетел его шепот. Впрочем, это шептал не он, а прошлое:

– Маргарита...

– Вы ошиблись, – сухо сказала она и прикрыла веки, давая понять, что не намерена с ним разговаривать.

Он прошел мимо, направляясь в хвостовую часть самолета, Маргарита Назаровна тут же открыла глаза и, перегнувшись через подлокотник, посмотрела ему в спину. Он не обернулся. В таких случаях хочется думать, что произошел обман зрения или светотень падала не так, а старческие глаза дописали стертый памятью образ. Маргарита Назаровна услышала внука:

– Он тебя знает?

– Обознался, – скрипнул ее голос.

– Но он же назвал тебя по имени, ба.

– Ну и что? Маргарит, дорогой, на свете очень много. Так много, что есть среди них и похожие. Ты в этом еще убедишься. Не мешай, я хочу вздремнуть.

Егор усталился в иллюминатор, а она, разволновавшись, ждала, когда старик пойдет назад, чтобы еще раз посмотреть на него.

Прошло минут пять, не слыша его шагов, Маргарита Назаровна почувствовала позвоночником: идет. И правда, он прошествовал мимо, был уже довольно далеко, но вдруг по-молодецки резво оглянулся... Если до этого оба еще сомневались, то теперь окончательно узнали друг друга.

– Не может быть, – пробормотала Маргарита Назаровна, закрывая глаза. – Этого не может быть...

– Ба, что ты сказала? – оживился Егор.

– Просто ворчу себе под нос, – улыбнулась она внуку, положив сморщенную руку на его колено. – Для меня полеты – тяжелое испытание. В голове гудит, уши заложило, всю трясет, а эти падения вниз... сердце останавливается.

– Осталось полчаса, потерпи.

– У меня есть выбор?

– Нет, – рассмеялся Егорушка.

– Я и терплю.

Время пролетело, как летел самолет, впрочем, оно мчится еще быстрее. Но когда мысли пульсируют в висках, когда память безжалостно возвращает тебя в прошлое, которое успешно забылось за давностью лет, его, времени, как раз и не хватает, чтобы многое понять. А Маргарита Назаровна не понимала, и это ее тревожило.

Из самолета она вышла с пасмурным лицом, что сразу заметил сын:

– Устала, мама?

– От чего? – задала она ему встречный вопрос.

Сообразив, что мать не в духе, Глеб оправдался:

– Вид у тебя уставший и расстроенный. Может, Егорка огорчил?

– Егор – прекрасный мальчик, а тебе бы только ругать его.

– Ладно, не ворчи. Давай квитанции, я получу багаж.

Он убежал вместе с внуком, оставив мать на попечение невестки – красивой и глупой (по мнению Маргариты Назаровны), которая дежурно поинтересовалась:

– Как ваша родня?

– Да что ей делается? – промямлила свекровь, а глаза искали в толпе...

Не нашли ее глаза того, кого искали. Маргарита Назаровна успокоилась, натянула перчатки на кисти рук, как вдруг сердце выбилось из ритма, почуяв присутствие старика. Она медленно и опасливо повернула голову. Тот же старик остановился неподалеку, сверля ее влажными и темными, как смола, глазами. Его взял под руку мужчина лет тридцати и увлек к выходу из здания аэровокзала. Старик шел медленно, грузно опираясь на трость, и ни разу не оглянулся.

– Кто это? – поинтересовалась невестка Анжела, заметившая старика и взгляд свекрови, направленный на него.

Этой простушке дали удивительно неподходящее имя, оно ей шло, что называется – как корове седло. Маргарита Назаровна сделала вид, будто не услышала вопроса, но, к сожалению, вернувшийся сын тоже видел старика.

– Мама, что за дед тебя гипнотизировал? – осведомился Глеб, ставя чемоданы у ног и доставая носовой платок.

– Он и в самолете с бабули глаз не сводил, – сказал Егор, посмеиваясь. – Наверное, она понравилась ему.

– Вы знакомы? – не придавая значения словам сына, а просто любопытства ради спросил Глеб.

– Понятия не имею, кто это такой, – пожала плечами Маргарита Назаровна, после чего ушла от темы. – Поехали домой, мы с Егорушкой голодные.

Дома невестка так рвалась услужить, будто свекровь была инвалидкой. Анжела делает все правильно, она прекрасная жена и мать, и Маргарита Назаровна не смогла бы объяснить, почему не любит жену сына. Вот уж действительно загадка природы – наши симпатии и антипатии. Иногда Маргарита Назаровна жалела, что дала согласие на совместное проживание в одном доме, но старость диктует свои условия: даже если душа молода, тело дряхлеет, и силы уходят. Да и Глеб мечтал жить в собственном доме одной семьей, чтобы тесть и мать были на виду. Все же она не рассчитала, что в ее возрасте, привыкнув к одиночеству, будет так трудно свыкнуться с общежитским распорядком. Видимо, поэтому ее и раздражает невестка, для Маргариты Назаровны она осталась чужеродным звеном.

Автомобиль въехал во двор особняка, к которому было неприменимо слово «скромность» настолько, что, когда простой народ смотрел на дом, у него рождалась одна мысль: на трудовые доходы такое не построишь. Но хозяева были страшно далеки от народа, мнение которого не слышали, да оно их и не интересовало.

Навстречу выскочила русская борзая, залаяла, завиляла хвостом. Марлен Петрович дождался, когда сын откроет дверцу машины, опустил ноги на землю, опираясь на трость, вышел из авто и ласково потрепал собаку по холке:

– Дождалась, да? А кусочек мяса хочешь? Хочешь, хочешь. Ну, идем, Сита, в дом. Я тоже скучал, моя девочка...

Сита подпрыгивала, норовила лизнуть Марлена Петровича в лицо, он отворачивался и посмеивался. Сняв пальто в огромной прихожей, он попросил домработницу растопить камин и принести мяса для Ситы.

– Вы с дороги, может, перекусите? – спросила женщина.

– Чаю выпью, – сказал он.

Вскоре Марлен Петрович сидел в кресле у камина и бросал кусочки сырой говядины Сите, которая ловила их на лету и проглатывала целиком, после чего ждала нового броска. Как она любила хозяина – преданно и беззаветно, так же и он любил ее, понимая, что от людей подобной любви не дождешься.

По лестнице со второго этажа сбежал сын, направился к выходу. Марлен Петрович, не оборачиваясь, глядя на свою собаку, остановил его:

– Ярослав, ты куда?

– У меня дела, – ответил тот, подойдя к отцу.

– Какие дела, позволь тебя спросить, на ночь глядя?

– Встреча. Очень важная.

– Мм-м... – протянул отец.

Его темные глаза, в которых давно не было заметно человеческих страстей, оторвались от любимицы. Марлен Петрович смотрел на сына снизу вверх, изучая его, и вдруг сделал открытие: что-то в нем появилось, чего раньше он не замечал. Повзрослел, наверное. Дети взрослеют, отцы стареют. Марлен Петрович повернул лицо к огню и сказал:

– Иди.

От Ярослава словно вздыбилась волна протеста, намереваясь смыть отца. Он это почувствовал спиной, как старики чувствуют смену погоды за день до того, как она переменится. Марлен Петрович удивился, ведь у него принципиальных разногласий с Ярославом раньше не было, откуда же взялась эта невидимая волна? Ему даже показалось, что сын собирался поговорить с ним, но не решился. Развернувшись всем корпусом и выглянув из-за спинки кресла, Марлен Петрович хотел спросить сына: у тебя проблемы? Однако Ярослав успел выйти, значит, его проблемы не существенны, раз он не поделился ими с отцом. Марлен Петрович принял прежнюю позу, зашарил пальцами по тарелке, а мяса-то и нет. Сита твякнула, мол, это не я, оно само куда-то исчезло, на что хозяин глухо рассмеялся:

– Ах ты, воровка. – Сита поняла, что взбучки не предвидится, приблизилась и уложила морду ему на колени. Он, почесывая собаку возле ушей, ласково лепетал: – Хорошая моя. Славная девочка...

В это время сверху медленно, в раздумье, спускалась жена сына Валентина. Хорошая женщина, но с претензиями. Десять лет назад он уговорил Ярослава жениться на ней. Деньги должны воссоединяться с деньгами, затем приумножаться умными головами, а все остальное – любовь, дети, – дело наживное. Однако что-то в их отношениях не ладилось, это тщательно скрывалось от главы семьи, то есть от Марлена Петровича. По его мнению, у современных дам слишком много амбиций, претензий, гонора, но мало в них женского. Да-да, того самого – мягкого, доброго, нежного, чуткого...

Валентина взяла в баре стакан и налила туда... водки! И выпила залпом полстакана! Марлен Петрович искоса следил за ней, не выразив своего «фе», а он не терпел, когда баба прикладывается к бутылке. Она это знала, но осмелилась выпить при нем. Тоже протест. И ярко выраженный. «Что происходит?» – задумался он.

Валентина налила еще, уселась на диван, закурила. Марлен Петрович снова почувствовал, что ее не надо ни о чем расспрашивать. Она пришла сюда, зная, что после поездок он любит посидеть у камина один, следовательно, сама все выложит. И где-то внутри уже обозначилась тема разговора, кто-кто, а старики – люди чуткие. Он не ошибся, прошла минута-другая, и Валентина без предисловий сказала:

– Ярослав мне изменяет.

Ах, вот в чем дело. Про себя Марлен Петрович усмехнулся: нашла с чем обращаться к нему, будто в его обязанности входит держать сына на поводке.

– Откуда такие выводы? – поинтересовался он, однако не потому, что Валентина была обижена, ему хотелось знать, какие подводные течения существуют за его спиной.

– Это же видно. Во время вашего отсутствия он не ночевал дома. И не соизволил объяснить, где был.

– Значит, ты плохая жена.

Жестокую фразу он бросил вялым тоном, давая невестке понять, что свои проблемы она должна решать сама. Но подвыпившая Валентина обнаглела:

– Я плохая?! Ха-ха...

Смешок у нее вырвался истерический и злой, видать, нарыв созрел. Марлен Петрович по-своему жалел ее, как дуру, поэтому жестко сказал:

– Да, ты. Ты виновата в том, что он не спит с тобой.

Несправедливость обычно вызывает две реакции у жертвы, на которую направлена: либо парализует, и под ее гнетом смиряешься, либо порождает бунт. Валентина взбунтовалась и то негодование, ту обиду, которые предназначались мужу, вывалила на свекра:

– Он такой же черствый, как вы. Я что – безобразная, горбатая, кривая? А может, старая? Что во мне не так? – Демонстрируя себя, она прошлась по гостиной. – Почему же ваш сын ведет себя по-скотски? Почему я должна закрывать на происходящее глаза и делать вид, что ничего не понимаю? Только ради детей? А мне куда деться? Я чужая в этом доме...

– В этом тоже есть твоя вина, – сказал он мягко, насколько смог.

Марлен Петрович считал, что имеет право говорить правду, а она не всегда уместна. Валентина расплакалась, выпила водки и нервно чиркала зажигалкой, но, не прикурив, кинула сигарету в пепельницу. Прикрыв пальцами рот, Валентина говорила уже не свекру, а себе:

– Мне надоело. Я устала. И мне очень плохо. Пора ставить на этом точку.

И побежала вверх по лестнице.

– Стой, – сказал Марлен Петрович, не повышая голоса. Но его слово, произнесенное даже тихим тоном, в этом доме имело вес. Валентина задержалась на лестнице, не повернувшись к свекру лицом. – Я поговорю с Ярославом.

Она убежала, а он перевел взгляд на огонь. Собака лежала у его ног, давая живое тепло, и не спала, а вопросительно (именно вопросительно и немного беспокойно) глядела на него, словно понимала, что не только разлад в семье сына огорчил хозяина. Да, не только. Марлен Петрович душой все еще находился в самолете и видел не старуху, а молодую Маргариту. Но он никому не расскажет, что их связало и разделило, потому что не найдет ни сочувствия, ни жалости. А Сита, это бессловесное животное, способна сопереживать ему без объяснений. С кем еще он может поделиться своими переживаниями? Ни с кем. Марлен Петрович механически набрал номер на сотовом телефоне, после чего снова перенесся мыслями в самолет. Случайная встреча с Маргаритой разбередила душу, вернула его в прошлое...

– Вы звали?

Марлен Петрович очнулся, увидев перед собой секретаря, или как там сегодня называют прислугу по личным вопросам? И вспомнил, зачем вызвал парня:

– Узнай, кто любовница моего сына.

– Хорошо.

Другого ответа он не ждал. Марлен Петрович уставился на огонь, пустившись в путешествие в юность...

Только после позднего обеда Маргарита Назаровна ушла к себе, сославшись на банальную причину – головную боль. Наконец она получила возможность остаться со своими тревогами наедине. В сущности, эти тревоги – не что иное, как все та же память, всколыхнувшая такое, о чем не хотелось бы вспоминать. Но прошло очень много лет, годы превратили Марлена в рухлядь, Маргарита Назаровна тоже недалеко от него отстала, они оба отжили свой век. Но

те, кто жил до них, непонятным образом связали потомков. Все-таки странно: почему Марлен жив?

Она легла на кровать и мысленно пустилась в путешествие в юность...

1920 год, Кубань

– Комиссар! Комиссар!

Силантий Фомич оглянулся. К нему во весь опор, разгоня случайно не перебитых кур, скакал Яуров. Комиссар еще издали заметил, что всадник отчего-то зол, шапка сдвинулась набок и, казалось, вот-вот слетит с его головы. Хлопец он горячий, то и дело взрывается, как порох, потому Силантий Фомич не обеспокоился, что случилось нечто экстренное. Отряд отбился от основных частей армии, разбив белогвардейскую банду, однако позиции занял крепкие, вроде паниковать нечего. Он спокойно вытер руки, промокнул шею и кинул рюшник на плетень. Тем временем Яуров подлетел к плетню и, не унимая коня, который гарцевал на месте, поднимая облако пыли, выталлил:

– Петро с Васькой беляковских баб расстреливают. Мы что ж, с бабами да детьми воюем? С безоружными? Таковского уговору не было!

– А, черт! – досадливо произнес Силантий Фомич. – Где он их взял?!

– В одной из хат прятались, – торопливо объяснил Яуров. – Думали, что беляки вернутся, а идти с ними в бой побоялись. Тутешний голодранец сдал их, а командир вывел на расстрел, брата Ваську заставил, добровольцев стрелять не нашел.

Не удержавшись, Силантий Фомич выругался, хотя никогда этого не делал, считая, что должен являть собой образцовый пример для разношерстной компании, сформированной в отряд всего пару месяцев назад. Тогда к ним примкнуло много людей не то что без роду без племени, но и всякого сброда. Пробовал Силантий Фомич воздействовать на командира Петро Шестрюка, мол, отбор следует делать более тщательно, проверять людей, а не брать в ряды Красной Армии невесть кого. Но тот выставлял свои доводы: кто от контры землю очищать будет? На самом деле, как давно заметил Силантий Фомич, Шестрюка меньше всего волновала неочищенная земля, его прельстила власть и ему неважно было, кем командовать, важно, чтоб ему подчинялись.

– Стенька! – закричал комиссар. – Коня мне! Живо!

Вскочив на неоседланного коня, Силантий Фомич помчался на другой край хутора, где в добротной хате стал на временный постой Шестрюк с братом.

Катя вытянулась в струну, она понимала: на помощь никто не придет, а смерть неизбежна и ее надо принять с достоинством. Но как трудно думать о достоинстве в двадцать лет, как трудно знать, что твоя смерть близка, трудно не кричать, когда твою бабу и мать толкнули к стене грубые руки. Бабушка плакала и просила пощадить невинных детей, мама держалась стойко, не давая себе послабления. Грянули револьверные выстрелы, мама и бабушка упали, будто их скосила невидимая сила. Двенадцатилетний брат Сашенька закричал, прижавшись к Кате, но ему позволено, он еще мал, а ей – нет. Четырнадцатилетний Вацлав лишь тихо всхлипнул, он понимал: идет война, а на войне убивают. Но Катю, взрослую девушку, покинуло самообладание, слезы, как ни старалась она их сдержать, лились потоком.

– Теперь вы, – махнул револьвером командир бандитов. Расстреливали он и еще один мужик, очень похожий на него, такой же чернявый.

Катя помнила взгляд матери перед смертью, брошенный на них, – успокаивающий, теплый, прощальный. Она словно просила: будь сильной. Собрав мужество, девушка взяла братьев за руки и повела туда, где лежали бездыханные мать и бабушка, тихо шепча:

– Это не больно, вы сами видели.

– Мы умрем? – спросил Сашенька.

– Нет. Мы улетим на небеса. Мама с бабушкой ждут нас.

Катя стала ближе к стене, опустила глаза на два тела у ног, чтобы подкрепить себя силой, которой у нее не хватало. Но лучше б не видела их. У мамы были открыты глаза, наверное, ее душа хотела посмотреть, как умрут дочь и сыновья.

– По врагам революции, по белой контре... пли! – командовал командир.

Одновременно с ним издали кто-то закричал:

– Стой!!!

Но два выстрела уже грянули. Катя осталась стоять, сжимая руки мальчиков, которые вдруг отяжелели и потянули ее вниз. А она стояла, не отпуская рук братьев, и смотрела на два дула, теперь направленных в нее.

– Стой!!! – неистово кричал Силантий Фомич.

Его лошадь перемахнула через плетень, задев задними копытами глиняный горшок, который разлетелся на мелкие кусочки. Следом за комиссаром перемахнул плетень и Яуров, но сразу же потянул коня за повод, останавливая, тогда как Силантий Фомич успел закрыть своего лошадью девушку.

– Ты что делаешь, Петро?!! – взревел он, обращаясь к командиру. – Кто тебе дал право убивать?!!

– Мое право дала мне война и командирское звание, – спокойно сказал Шестрюк. – Всю белую контру следует...

– Кто контра? – негодовал комиссар. – Женщины? Эта девчонка? Пацаны? Яуров, погляди, живы ли?

Тот спрыгнул с коня, подошел к убитым.

– А ты подумай: вырастут эти пацаны – и что потом? – возразил Петро. – Они нас не пощадят, они нас из-за угла... Видать, ты забыл: террор, только беспощадный террор...

– Молчать! – процедил комиссар. Он спрыгнул с лошади, подошел вплотную к Петро и тихо отчитал его: – Ты устроил бойню, это уже не война. Когда б они, – он кивнул назад, – вчера воевали с тобой, ты имел бы право убить их в бою. В отряде разложил дисциплину, занимаешься грабежами, развратом...

Петро усмехнулся, пряча револьвер в кобуру, при этом глаза его недобро сверкнули:

– Не лез бы ты, комиссар, в мои командирские дела.

– Я наравне с тобой отвечаю за дееспособность и политическое сознание отряда, вверенного мне партией и рабочим классом, – процедил Силантий Фомич. – Должен предупредить: я доложу высшему руководству армии о твоих делах, ежели не исправиться.

– Исправления хошь? – ухмыльнулся Петро. – Ну так в жены ее определю, вину свою заглажу.

Комиссара задел за живое его издевательский тон, но вокруг стояли головорезы Шестрюка, не ровен час – выделятся в банду и отколются. Тогда перестреляют всех людей, верных молодой советской власти.

Яуров с трудом расцепил руки мальчиков и девушки, которая будто окаменела и была мертвенно-бледной. Подойдя со спины к комиссару, он шепнул:

– Одна дивчина жива, не успели.

Комиссар скрипнул зубами, но теперь-то ничего уже не сделаешь. Он подошел к девушке, от стыда не глядя на трупы и ей в глаза, и тихо произнес:

– Простите.

Она перевела на него пустой, ничего не понимающий взгляд и вдруг завалилась, комиссар еле успел поддержать ее, чтоб не упала на трупы.

– Васька! – крикнул Петро брату, с которым расстреливал контру. – Отнеси девку в сарай и запри.

– Есть, командир, – с подчеркнутым повиновением сказал тот, забрал у комиссара и легко поднял бесчувственную Катю на руки, понес в соседний двор.

Любопытные – бойцы и хуторяне – медленно расходились, а Силантий Фомич стоял, опустив голову, не смея поднять на них глаза. Он чувствовал немой укор жителей этого хутора, их молчаливый протест, чувствовал свою вину и бессилие. Силантий Фомич взял лошадь под уздцы и только тут заметил небольшую группу, состоящую из пожилого и бородатого мужчины, такой же пожилой женщины, молодой и хлопца лет пятнадцати.

– А вы чего стоите? – спросил он.

– Мы ж приговоренные, – ответил бородач. – За покрывательство.

– Расстрел отменяется, – сказал комиссар. – Ступайте в хату.

– А статки (вещи) куды?

– Какие статки? – не понял комиссар.

– Ихние, – дед указал подбородком на убитых.

– А... – протянул комиссар, глядя на трупы. – Девушка в себя придет, ей и отдадите.

– Слушаюсь, – поклонился старик, затем еще раз поклонился. – Премного благодарны, вашеество.

Силантий Фомич так и побрел с опущенной головой, держа под уздцы коня. За ним шел Яуров чернее тучи, искоса поглядывая на сорокапятилетнего комиссара. Он был из рабочих, в партии давно, внешне ничем не примечателен – таких тысячи. Яуров его уважал за справедливость, за умные речи, за то, что он не прятался от пуль, не грабил, в общем, был он – настоящий коммунист. Однако молодого казака, вставшего на защиту советской власти, последнее время терзали сомнения, и он начал высказывать их, как всегда, на повышенных тонах:

– Вот скажи, Силантий Фомич, на мой хутор придем, тоже грабить будем? Я ж тогда контрой стану, вот те крест.

Комиссар остановился, поднял голову, ибо двадцатичетырехлетний Яуров, лихой казак и видный хлопец, был на две головы выше его. Он увидел в глазах казака опасную растерянность, за которой скрывалось разочарование и был близок отход от не устоявшихся еще позиций. Да и сам комиссар иной раз впадал в панику: не так все шло, как ему мечталось, ради чего он отказался от семьи и детей, посвятив себя великому делу. И второй вопрос беспокоил его: сможет ли он воздействовать на необузданную и вооруженную толпу?

– Хочешь вступить в партию, а крестишься, как невежественная бабка, – мягко попенял комиссар хлопцу. Он симпатизировал искреннему и отчаянному Яурову.

– Нет, ты скажи, – упрямо гнул тот свою линию, – обещались свобода и равенство, а на деле что? Чего ж нас не хотят? Слухи доходят, что станицы восстают. Чего ж казаки белых поддерживают, а не нас? Не знаешь? А я знаю. Какая ж это свобода, когда грабят, убивают, насилуют? Стало быть, она для тех, у кого шашка и пуля есть? Никто таковой свободы не захочет.

Силантий Фомич опустил глаза, окаймленные выгоревшими на солнце ресницами. Сколько же было отослано телеграмм командарму 9-й Кубанской армии с сообщениями, что отряды, действующие против банд, производят грабежи населения и самочинные реквизиции, создавая в массах антисоветское настроение. Неоправданная жестокость вообще озлобляет и старого и малого. Нет, не так должно поступать молодой власти, если хочет она поддержки народа.

– Правильный ты хлопец, Яуров, – сказал комиссар. – Это временное явление. Много к нам прибилось негодяев, вон и Шестрюк зарвался. Как только мы соединимся с основными частями, обещаю: он ответит за все.

– Не шибко наш командир спешит соединиться, – заворчал Яуров. – Зря ты, комиссар, угрожал ему, как бы тебе пулю в спину не получить.

– Не посмеет. Свидетелей полно.

– Свидетели... – усмехнулся Яуров. – Каторжане, воры и бандиты? Эх, комиссар, не имел я мечты прибиться к беззаконникам. А хотел жизни новой, красивой. Они долго спорили, но спор их ничем не закончился...

2

Наши дни, спустя полторы недели

Вечерами Марлен Петрович находился дома. В свои семьдесят четыре года он прекрасно справлялся с делами, но что касается тусовок, говоря современным языком, не любил бывать на них, слыл затворником, к которому даже в офис не так-то просто прорваться. Разумеется, сын – его первейший помощник, унаследует дело отца. Кстати, Ярослав проявил великолепные качества делового человека, на него не жаль оставить то, что создано руками и головой Марлена Петровича. Его не очень-то волновало, что мальчик загулял, он молод, красив, при деньгах, соответственно, имеет право на ту жизнь, которая ему по нраву.

Марлена Петровича больше беспокоила Валентина, ставшая угрюмой, замкнутой, казалось, она возвращает в себе злость с какой-то непонятной одержимостью. Конечно, ей обидно, она страдает. Конечно, ее самолюбие задето, но, по мнению Марлена Петровича, проблему создала она сама, она же должна ее и разрешить. А для этого надо не лелеять свою злость, а поработать мозгами. Он мог бы подсказать ей, как мужчина, несколько приемов, которые приструнят мужа, да кто ж его станет слушать? Мнение стариков молодыми в расчет не берется. К тому же пожилому мужчине, свекру, не пристало посвящать невестку в некоторые таинства супружеской жизни. Сейчас выпускают огромное количество газет и журналов, почему же Валентина не читает их, не берет оттуда полезное? Собственно, на невестку-дуру ему плевать, но не плевать на двух очаровательных внуков, поэтому дед заинтересован, чтоб семья сына не развалилась, однако пока он не вмешивался, а наблюдал.

И что заметил? Ярослав действительно то задерживался допоздна, то уходил куда-то вечером, в выходные дни он вообще дома не бывал, детям не уделял внимания. Но и Валентина практически не бывала дома. Да, она не нахлебница, взяла бизнес отца, которого год назад хватил удар. Но стоило Ярославу улизнуть из дома под благовидным предлогом, как она – тоже за дверь. Два дня назад Марлен Петрович приказал подать машину, хотя обычно по вечерам отпускает шофера. Он поехал за невесткой, заинтересовавшись: куда это она?

Ситуация оказалась примитивной донельзя: Валентина ехала за автомобилем Ярослава, который Марлен Петрович заметил не сразу. Сын остановился недалеко от центра города, на оживленной улице, явно кого-то ждал. Валентина тоже ждала, припарковавшись вдали от мужа. И Марлен Петрович ждал, приказав водителю в нарушение всяческих правил заехать на пешеходный тротуар, спрятавшись от невестки за газетным киоском. Штрафов он не боялся – даст больше в два-три раза, но будет стоять, сколько потребуется.

Шел осенний дождь, погода в ноябре на ливни не скупится. Из-за дождя, а также из-за расстояния Марлен Петрович плохо рассмотрел девушку, севшую к сыну в машину. Валентина поехала за ними, он тоже, потеряв к невестке последнее уважение. Без сомнения, она – дура. Выслеживать мужа вместо того, чтоб... Ай, незачем об этом думать!

Ярослав вместе с девушкой зашел в небольшую элитную гостиницу, расположенную в месте, которое не сразу и найдешь, даже имея на руках адрес. Марлен Петрович велел водителю ехать домой. В часы досуга и раздумий его место было у камина, это очень удобная позиция – никого не пропустишь. А когда у него бывало нехорошо на душе, его успокаивала Сита. Она сидела рядом, положив длинную морду на колени хозяина, а он гладил ее.

Первой через пару часов явилась Валентина и сразу – к бару. Марлен Петрович не смотрел, однако знал: пьет водку, мерзавка.

– Ты много пьешь, – не выдержал он.

– Как все, – огрызнулась невестка.

– Ты – женщина. Ваши с Ярославом отношения не повод, чтобы спиваться. Женщина отличается от мужчины тем, что имеет больше достоинств. Она тоньше, хитрее, дипломатичнее. Добавлю: умная женщина. Если б ты была умной, не опустилась бы до слезки за мужем.

– Здесь в туалет нельзя сходить, чтоб вам об этом не доложили, – дерзко сказала она, плюхаясь на диван. – Да, я следила за ним. Хочу знать, куда и к кому он бежит.

– Ты узнала, легче тебе?

– Нет!!! – огрызнулась Валентина со слезами в голосе. – Ставлю вас в известность, Марлен Петрович, завтра же я вместе с детьми уйду.

– Ты не уйдешь.

– А кто мне помешает?

– Я, – сказал он твердо. – Хочешь уйти – уходи одна, иначе в порошок тебя сотру.

– Лучше сотрите своего сына, – взвилась Валентина. – Я вас не боюсь, Марлен Петрович. Вы меня бойтесь.

– Ты мне угрожаешь?

Наконец он соизволил посмотреть на нее и что увидел? Жалкую бабу, которая бесится, потому что ее давно никто не валял в койке. Марлен Петрович, будь он на месте сына, тоже не захотел бы ее, ведь мужчину притягивает в женщине непознанное, или точнее – недоступность, даже если побывал с ней в постели не раз. А Валентина прямая, как школьная линейка, вся ясная, в ней нет загадки.

– Да, угрожаю, – тем временем бесстрашно произнесла она. – Вы использовали меня в качестве контейнера, чтобы получить потомство, а теперь хотите выкинуть одну? Не выйдет. Я сумею за себя постоять и отобрать сыновей, и у меня хватит средств воспитать их, к счастью, я и мои дети не сидим у вас на шее. А вам нарожает внуков новый контейнер.

– Валентина! – подскочил Марлен Петрович.

Подскочила и Сита, пару раз гавкнула в адрес невестки, мол, ты не права. А Марлена Петровича трясло, что случилось с ним крайне редко. Он бы с огромным удовольствием врезал этой идиотке, дабы привести ее в норму, но Валентине порка не поможет. Жаль, жаль, что сейчас не принято колотить баб, от этого раньше была только польза, прежде всего для них. Марлен Петрович взял верх над эмоциями и уже спокойно сказал:

– Надо быть терпимей...

– А я не хочу! – взвизгнула она.

– Не перебивай! – На истеричек хорошо воздействует невозмутимость, внешне Марлен Петрович оставался невозмутим и хладнокровен, но только внешне. – Каждый получает то, что заслуживает. Подумай над моими словами. И если хочешь сохранить семью, а ты ведь этого хочешь, сбавь обороты. А теперь иди к себе, я устал.

Он уселся в кресло, отдышался, в его возрасте нелегко даются семейные сцены. Сита положила лапу ему на колено и толкнула, заскулив.

– Да, Сита, мелодраму развела наша Валентина, – сказал он, прижав к груди голову собаки. – Но это еще не все, девочка. Вот придет виновник мелодрамы... С ним будет потрудней, он все-таки сын. Но мы справимся, верно?

Сита твякнула. Удивительно, но она понимает абсолютно все.

Первое, что сделала Маргарита Назаровна, – обратилась в справку, но...

– Адрес запрашиваемого жителя мы дать не можем, – ответила женщина.

– Почему? – удивилась Маргарита Назаровна.

– Адреса некоторых лиц, а также номера их телефонов мы не имеем права давать по их заявлению.

Зато Маргарита Назаровна выяснила главное. Честно сказать, она надеялась, что он залетел сюда временно – к друзьям или родственникам. Но раз женщина из справки сказала, что «не

имеет права давать адреса некоторых лиц по их заявлению», значит, он не из другого города, а живет здесь же. Это ее огорчило, если не сказать больше. Маргарита Назаровна расстроилась, желая еще сильнее, чем прежде, выяснить его адрес. Зачем? Она вряд ли сама понимала, подчинилась исключительно внутреннему зову. Ее влекло к Марлену, как преступника на место преступления. Собственно, так оно и есть...

Маргарита Назаровна стала ходить по городу, надеясь еще раз встретить его. Странно, она столько лет жила в этом городе, а ни разу с ним не встречалась, не заметила его и во время посадки в самолет. Изредка Маргарите Назаровне казалось, что она видела в самолете и аэропорту призрака. Конечно, это не так, Марлена видели и внук, и сын, и невестка.

К обеду она возвращалась, потом снова уходила, до темноты упорно бродила по улицам, не чувствуя усталости. Как истинный детектив, она припоминала детали встречи, вспомнила, как был одет Марлен. Дорого. Шикарно для старого пня, который стоит одной ногой в могиле. И молодой человек, встретивший его в аэропорту, был одет прилично, а поведение его было странным: будто он в услужении у старика. Сели они в шикарную, большую иномарку, Маргарита Назаровна видела их через стеклянную стену, даже она, не интересуясь автомобилями, знала: эта иномарка стоит бешеных денег. В таком случае его следует искать среди богатых людей, то есть там, где выстроены особняки. Так ведь особняки выросли везде, и в центре тоже. Она купила карту города, на досуге изучала ее, чтоб не выпустить из виду какой-нибудь район, и каждый день с маниакальным упорством отправлялась на поиски.

Хлопнула входная дверь, Марлен Петрович посмотрел на часы – половина первого ночи. Нормально для одинокого мужчины, но с женой, черт ее возьми, надо хоть немного считаться.

– Ты не спишь, папа? – изумился Ярослав.

– Куда уж тут заснуть, – проворчал отец, разворачиваясь в кресле, чтобы лучше видеть сына. – Я хочу поговорить с тобой.

– О чем? – заинтересовался Ярослав, садясь в кресло рядом с камином.

Марлен Петрович – человек прямой, как и его невестка, с той только разницей, что его прямота базируется на ином статусе: он стар, глава компании и глава семьи, следовательно, претензии с его стороны оправданны. Марлен Петрович с обезоруживающей прямотой и заявил:

– У тебя есть любовница.

М-да, Ярослав не ожидал, что отец поднимет эту тему, слишком скользкую, чтобы позволить муссировать ее кому бы то ни было. Он не смутился, лишь нахмурился, но устоявшиеся в семье патриархальные традиции не позволили ему послать отца к черту.

– Ты не ответил, – сказал тот.

– Но ты не спрашивал, а утверждал.

– В таком случае я спрашиваю: у тебя есть любовница?

– А тебе не кажется, что ты вмешиваешься...

– Не кажется, – раздраженно перебил отец. – Разрешите напомнить: у тебя есть жена и двое детей.

– Хорошо. Раз уж ты хочешь откровенности с моей стороны...

– Хочу, – снова перебил его Марлен Петрович.

Ярослав принес из бара две рюмки и коньяк, налил, выпил, Марлен Петрович держал рюмку и выжидающе смотрел на сына.

– Понимаешь, папа... – начал Ярослав, преодолевая внутреннее сопротивление. Никто, даже родной отец, не имеет права ему диктовать, а, судя по тону и первым фразам, он собрался именно ставить условия. – Только выслушай меня сначала. Понимаешь... Когда рядом чужой человек, хотя ты спишь с ним в одной кровати, постепенно начинаешь замечать, что нет в нем всего того, что виделось раньше. Я придумал Валентину, она оказалась другая. Мне стало с

ней скучно, безрадостно. Я заранее знаю, как она посмотрит, что сделает, какие слова скажет. А потом я понял, что не люблю ее. Вот и все.

Чужая... Марлен Петрович не мог не согласиться с ним, потому что так оно и есть. Нельзя сбросить со счетов и то, что сын ему более понятен, он родной, поэтому Марлену Петровичу не безразлично, каково ему живется. Но помимо Ярослава и Валентины есть еще дети, они-то почему должны страдать? С другой стороны, давить на сына не имеет смысла, но придержать его можно попробовать.

– Валентина хочет уйти, – сказал отец.

– Пусть уходит.

– Стоп, – поднял ладонь Марлен Петрович. – У тебя с другой женщиной серьезно или так?

– Серьезно.

– А ты не подумал, что ее привлекают твои деньги, а не ты?

– То, что я езжу на дорогой машине, еще ни о чем не говорит, сейчас личным транспортом никого не удивишь. Папа, я не сказал ей, чем занимаюсь, какие у меня доходы, мне с ней просто хорошо.

– Тогда выдержи год. Если чувства не пройдут, я приму твое решение. Заодно проверишь свою женщину. Не стоит, Ярик, бросаться женой и детьми ради увлечения.

– Ничего не изменится...

– Год! Я прошу! – При этом просьба прозвучала категорично, отсекая всяческие протесты. Ярослав нехотя кивнул и пошел к лестнице, Марлен Петрович остановил его: – Стой! Хоть изредка спи с Валентиной.

Ярослав скрипнул зубами, но воздержался от грубости. Отец дождался, когда сын уйдет, выпил коньяк и буркнул с усмешкой:

– Мелодрама. Тьфу!

Валентина слышала диалог мужа и свекра дословно, притаилась наверху, за фикусом. Потом умчалась в ванную, заперлась, сползла по стене на пол и зашлась в беззвучных рыданиях.

– Сволочи, – шептали ее губы. – Ненавижу... Ненавижу...

Темнеть стало рано, Маргарита Назаровна вернулась домой, отец Анжелы, который смотрел телевизор в гостиной, предложил:

– Присоединяйся, Маргарита, сейчас наш сериал будет.

– Только чайник поставлю, я чуточку продрогла, хочу согреться.

Она отправилась на кухню, но вдруг услышала, как там спорят сын с невесткой, вернее, Анжела отчитывает мужа:

– Зачем тебе? Вот скажи: за-чем? Чего тебе нейдет? Чего не хватает? У тебя есть дом, семья...

– Поэтому с нами и делают что хотят. Потому что все рассуждают, как ты, – возразил Глеб, правда, мягко.

– Глеб, живи сам и дай жить людям...

– Это не люди. А я не баран в стаде, не быдло... Мама, ты вернулась? – Глеб заметил Маргариту Назаровну.

– Да, – смутилась та, ведь получилось, будто она, задержавшись у двери, подслушивает. – Если не трудно, поставьте чайник, когда закипит – позовите.

– Хорошо, – сказал Глеб. – А где ты целыми днями пропадаешь?

– Глеб, я согласилась жить вместе с вами не для того, чтоб ты меня контролировал.

– Извини. Просто я подумал, что тебе может стать плохо на улице...

– Со мной ничего не случится, – заверила она.

Маргарита Назаровна присоединилась к Аскольду Мироновичу, да никак не могла въехать в сюжет, а ведь любила непритязательные сериальчики, после которых не становится тоскливо (хоть вой), как после некоторых фильмов. Анжела принесла чай, свекровь, вскользь глянув на нее, заметила озабоченность на лице невестки, вернее, растерянность или даже страх. Не придав значения ее состоянию (ссоры у всех людей случаются), Маргарита Назаровна пила чай, смотрела сериал, далеко улетев мыслями.

В кабинете секретарь положил перед Марленом Петровичем лист:

– То, что вы просили.

Старик взял лист, поднял на секретаря глаза:

– Напомни: что я просил?

– Узнать, кто любовница вашего сына.

– А, да-да... – Марлен Петрович надел очки, прочел имя, фамилию, место работы. – И все?

– Нет. Вот посмотрите.

Фотографии девушки. Профиль, анфас, вид сзади, в полный рост, отдельно ноги, руки. Короче, расчленили ее тело, будто Марлен Петрович должен выбрать породистую лошадь и для него важную роль играют все мышцы, зубы и так далее.

– Красивая, – коротко оценил шеф.

Молодой человек шевельнул плечами, двинул уголки губ вниз, мол, дело вкуса. Марлен Петрович внезапно замер, так как следующая фотография его шокировала. Вторая была в том же духе, третья... четвертая... Без сомнения, снимали Ярослава и девушку через окно, но... Это были не просто снимки, а иллюстрации к Камасутре.

– Вы что, с вертолета снимали? – проворчал он досадливо.

– Нет, – ответил молодой человек, восприняв его фразу серьезно. – Напротив гостиницы, где они встречаются, есть жилой дом. Мы договорились и сняли там комнату.

М-да, перестарались парни, не дай бог, фотографии увидит Ярослав или его жена. Не досмотрев до конца, Марлен Петрович кинул снимки на стол, сложил руки, как школьник складывает их за партой, и отчеканил:

– Мне нужно полное досье на нее. Кто такая, откуда родом, кто родственники, чем занимаются, была ли замужем...

Секретарь молча положил перед ним папку. Что тут скажешь? Вышколил он работников, из людей соорудил автоматы, безошибочно угадывающие желания шефа. Марлен Петрович открыл папку и начал читать. Он прочел все сухие сведения, снял очки и протер глаза. Машинально его руки выдвинули ящик стола, достали пачку сигарет, но тут Марлен Петрович увидел секретаря-робота, о котором забыл, и бросил ему:

– Свободен.

Тот вышел. Марлен Петрович принес пепельницу, закурил, а не курил он давно, лет двадцать, но всегда держал сигареты для гостей. По одной он начал сжигать иллюстрации к Камасутре, сжег все дотла. А фотографию любовницы сына долго держал в руке, смотрел на нее и курил, курил.

Все-таки она увидела его. Случайно. Шла по улице, и вдруг из машины вышел он. Маргарита Назаровна попятилась, боясь, что Марлен заметит ее. К счастью, он не смотрел по сторонам, а проследовал в сопровождении двух молодчиков в красивое современное здание. Маргарита Назаровна подошла к табличке рядом с дверьми, прочла:

– «Компания «Аякс»...

Название и прочее, что было написано ниже, ей ни о чем не говорили, она открыла дверь, вошла, ее остановил человек в милицейской форме:

– Вы к кому?

– Только что сюда вошли пожилой мужчина и два молодых человека... Вы не могли бы сказать, куда он пошел?

– Это глава фирмы, он пошел к себе.

– Глава? Простите, а как его имя?

Услышав имя, отчество и фамилию, Маргарита Назаровна потерялась: Марлен (старый пень, из которого труха сыплется) главный в этом большом здании? Чудеса.

– Бабуль, – обратился к ней милиционер, – если вы хотите записаться к нему на прием, то вам надо на четвертый этаж, в тридцать шестой кабинет.

– Благодарю вас, я зайду попозже.

Она брела по тротуару, в недоумении пожимая плечами. Дойдя до сквера, Маргарита Назаровна присела на скамью. Было холодно. Она ежилась, но ей необходимо было побыть наедине с собой, дома это практически невозможно.

– Кто бы мог подумать... – развела руками Маргарита Назаровна. – Чудеса... Господи, дай мне разума понять. Почему так, почему?

1920 год. Око за око

Вечером братья пили самодельную горилку в компании друзей, проявивших уважение к командиру. Ваську развезло, так ведь он был помладше Петра, силы богатырской не имел, хоть и был крепок на вид. Тогда он и предложил:

– Идем в сарай, охота девку отделать.

– Успеем, – бросил старший, обнимая за бедра податливую вдовицу.

Васька не желал ждать в отличие от брата, который любил, чтоб баба сама давалась, употребляя все свое женское умение. Не имея власти Петро, но являясь его доверенным лицом, Васька хотел получить от брата полные права на белогвардейскую дивчину, чтоб никто не посмел ее забрать. Однако Петро – норовистый, не угадаешь, как он отнесется, если без его ведома взять девку. Видя, как брат лобзается с бабенкой, он осторожно спросил:

– Так я пойду?

– Иди, – отмахнулся Петро.

А Катя, очнувшись, лежала на соломе, видела одни и те же картины, выжигающие душу: мамин прощальный взгляд, ее же остановившиеся глаза после расстрела, бабушку у ног с аккуратно причесанными седыми прядями, братьев. Катя осталась одна, без будущего и со страшным настоящим. Ее уже не пугала смерть, напротив, она была желанной, потому что с нею пришел бы конец нестерпимой боли и ожиданиям новых мучений. Но убить себя – это грех, и Катя обязана принять и мученическую смерть, если так на роду написано.

К ней никто не приходил, а стемнело уже давно. Катя вдруг подумала, что надо попробовать выйти. Она поднялась, высматривая выход, но было очень темно. Однако еще при свете она заметила, где находится выход, подошла к стене, ощутила ее.

Внезапно услышала приближающиеся шаги, отпрянула, но обо что-то споткнулась, упала, и ее рука коснулась холодного предмета. Катя подняла этот предмет, он был острый, на ощупь похож на кусок стекла. Девушка забилась в угол на солому, спрятав осколок за спину. Вскоре ее ослепил свет. Васька поставил керосиновую лампу на бочку и, на ходу снимая штаны, двинул к Кате.

Такого ужаса она никогда не испытывала, более того, не представляла, что такое может быть, но поняла, зачем это. У Кати непроизвольно вырвался крик, который заглушил Васька, обрушившись на нее и зажав рот ладонью. Внезапно в Кате вспыхнула ярость, ужас исчез, и к ней вернулась способность трезво мыслить. Опомнившись, девушка стала шарить ладонью по соломе, отказавшись от сопротивления, ища осколок стекла, который нечаянно выронила, пока пахнувшая скверно сопевишая свинья сдирала с нее нижнее белье. Васька торопился, Катя нет. Нащупала осколок, взяла в руки. Потом замерла, чтоб попасть точно, и, собрав всю ненависть и внутренне торжествуя, вонзила его в глаз насильнику, не почувствовав, как сама порезала пальцы. Васька взвыл так, что мороз пробежал по коже.

В сарай сразу же влетел Яуров, не разобравшись, что к чему, сцапал Ваську за ворот гимнастерки и отбросил его назад. Тот отлетел с воплем, врезался в дощатую стену и кричал не переставая. Яуров наклонился к Кате, которая успела опустить юбку и сжаться в комок в углу, держа перед собой окровавленную кисть руки, будто собралась ею защищаться. Он увидел кровь, оторвал кусок ткани от исподней рубашки и присел, успокаивая Катю:

– Тихо, тихо... Я ничего тебе не сделаю. Дай руку перевязать.

На вопли сбегались бойцы и Петро. Васька извивался на полу, в его глазу торчал осколок стекла. Старшему Шестрюку не надо было объяснять, что произошло, он и так все понял. Петро схватился за бок, но кобуру оставил в хате, поэтому заорал:

– Револьвер мне! Застрелю суку!

– Охолонь, командир! – не закончив перевязку, поднялся Яуров. – Васька насильничать пришел, не дело это для бойца Красной Армии.

– Ты меня учить вздумал?! – побагровел Петро. – Я и тебя в расход...

– Обожди с расходом, – сказал Яуров мирно. – А ты б как поступил? Днем расстреляли ее родню, а ночью пришли насиловать. Ты б не оборонялся?

– В чем дело? – появился комиссар, его явно кто-то позвал.

Почувствовав поддержку, Яуров снова присел и продолжил перевязывать Катину руку. А трое бойцов навалились на Ваську, четвертый резким движением вырвал из глаза осколок. Раздался звериный вопль. Васька едва не сбросил троих – настолько ему стало больно.

До полночи все не могли уговориться, кое-кто считал, что белогвардейскую девку надо пустить по кругу, некоторые призывали к совести, кто-то помалкивал, но к согласию так и не пришли. Однако подчинились комиссару и разошлись, снова заперев Катю в сарае...

3

Наши дни, полгода спустя, май Не ждали

Перекрывая гул, раздался невнятный голос дикторши:

– Встречающий гражданин Спасский, вас ждет друг в центре регистрационного зала.

Повторяю...

Сергей вертелся на одном месте, его зеленоватые глаза пытались разглядеть того, кто, возможно, за эти двенадцать лет стал неузнаваем. Полина тоже смотрела по сторонам, но часто останавливала вопросительный взгляд на муже, иногда бросала девятилетнему сыну, ерзавшему на чемоданах:

– Не вертись, Данила.

Только шестилетняя Варенька сидела смирно, прижав куколку к груди, у нее, в отличие от остальных членов семейства, было завидное терпение. Через десять минут дикторша повторила информацию для Спасского, после чего прошло еще десять минут.

– Мы уже час стоим, – робко напомнила мужу Полина.

– Могло произойти ЧП, – Сергей не терял надежды. – Например, машина по дороге сломалась, или...

– Что – или? – спросила Полина, не дождавшись окончания фразы.

– Не знаю, – пожал он плечами.

– Позвони еще раз. Может, он был вне зоны.

Сергей достал трубку, слушал, опять нажимал на вызов, еще слушал... Прошел час, потом два. Данила гулял по залу, приставая к пассажирам, за ним то и дело бегала Полина, извинялась и возвращала мальчика на место, то есть на чемодан. Она женщина выдержанная, ни упрека мужу не сказала, никак не дала понять, что недовольна. Да и в чем он виноват? Что друг долго, несколько лет подряд приглашал его погостить, они наконец-то вырвались, пролетели две тысячи километров, а он не приехал встретить, как обещал? Но ведь действительно могло произойти нечто непредвиденное, хотя почему, в таком случае Спасский не прислал вместо себя кого-нибудь или не сообщил, что не может их встретить? В душу Полины закрадывались подозрения, что друг мужа приглашал их ради красного словца, а как до дела дошло, решил спрятаться в норку. Она не посмела вслух высказать свои подозрения, зная, как рассердится Сережа, которому и так было неловко перед ней.

– Знаешь что... – сказал он. – Берем такси и едем к нему. Данька, брысь с чемодана!

Сергей подхватил чемоданы, Полина помогла сыну надеть рюкзак и, схватив две сумки и Вареньку, помчалась догонять мужа, лепеча:

– Сережа, уже ночь... Неудобно. Вдруг нас не очень-то и ждали...

– Глупости! – бросил Сергей через плечо. – Как это не ждали? Кто? Глеб? Да нас даже мать его приглашала тысячу раз.

– Но почему же тогда он не отвечает на твои звонки? – семенила она за ним, волоча за собой Вареньку. – Телефон ведь принимает сигнал.

– Приедем – узнаем.

– Не лучше ли в гостиницу, а завтра...

– Нет. – Сергей открыл дверцу такси и скомандовал: – Живо всем в машину.

Назвав адрес, он вытер платком лицо и шею, затем ободряюще подмигнул жене – дескать, паникуешь зря.

Ночь не помешала ему разглядеть небольшие коттеджи, выстроенные почти по одному проекту, окруженные если не лесом, то густыми зарослями. Это были не дворцы, но и не примитивные строения. Глеб Спасский писал по электронной почте, что продал три квартиры – свою, мамину и тестя, – решив на семейном совете не задохнуться в центре города, а переселиться на свежий воздух.

Таксист остановился около ворот, рядом с которыми был выведен белой краской номер дома. Расплатившись, Сергей взял чемоданы и подошел к воротам, нашел кнопку звонка. Никто ему не ответил и не вышел. Странно, Глеб живет не один, семейство у него немаленькое, неужели некому встретить гостей?

– Свет в окнах не горит, – сказала Полина, заглядывая в щели ограды из железных щитов. – Нас никто здесь не ждет.

Сергей не мог смириться с тем, что его подвел друг, он тронул за ручку железной двери, к счастью, она оказалась не запертой изнутри. Приоткрыв ее, он просунул голову во двор, а жена предупредила:

– Осторожно! В таких домах обязательно держат собак.

Но навстречу им не выскочила псина. Сергей вошел, огляделся, затем внес вещи, усадил на чемодан Вареньку и обошел двор со словами:

– Хорошо здесь, а? Порядок и красота. Подождем?

– Чего? – присев на другой чемодан, спросила Полина. Она устала, дети тоже, хотя Данька не знает, что такое усталость, – мальчик принялся бегать по двору, находил закоулки и нырял в них.

– Не чего, а кого, – ответил Сергей. – Хозяев будем ждать. Наверняка что-то случилось. Может, матери Глеба стало плохо, тогда им не до нас. Не беспокойся, Полина, думаю, он скоро будет.

На всякий случай Сергей сделал еще один звонок по мобиле, но... Данила позвал его:

– Па, иди сюда.

Сын сидел на корточках возле ступенек. Что он там нашел? Сергей подошел к нему и увидел крупную собаку, которая лежала на боку без признаков жизни.

– Она спит? – спросил сын.

– Не похоже, – проговорил Сергей, присаживаясь на корточки.

Было темно, пришлось наклониться к собаке, чтобы рассмотреть, что с ней. Вскоре Сергей понял: сдохла. Как человек дотошный, он посветил мобильником на труп собаки, провел световым лучом по тушке и увидел темные пятна на шкуре. Еще сомневаясь, он тронул пальцем вязкую мокроту, слегка растер и поднес к глазам, после чего выпрямился:

– Даня, иди к маме.

– Пап, она мертвая?

– Да. Иди, я сказал.

Сергей взлетел по ступенькам на крыльцо, очутился у двери и, преодолевая некий тормоз внутри, ведь в чужой дом порядочные люди не врываются, взялся за ручку.

– Куда ты? – догнал его беспокойный голос Полины. – Это же чужой дом.

Да, чужой. Но убита собака, которая была любима всеми в этом доме. Почему она убита? Конечно, случается, что собаки становятся неуправляемыми и опасными для людей, тогда выход один – усыпить. Усыпить, а не застрелить. Не мог же Глеб пристрелить четвероногого друга и оставить его лежать во дворе! И куда он сам делся? Происходящее все меньше ему нравилось. Сергей бросил жене через плечо:

– Сидите. – И решительно потянул дверь на себя.

Не заперта. Он толкнул вторую дверь – тоже не заперта. Сергей это почему-то предвидел. Он вошел в темную прихожую, ощутил, что впереди нет преграды из стены, а сразу начи-

нается большая комната. По логике, где-то у входа должен быть выключатель. Сергей зашарил по стене на уровне своего плеча. Чтобы попасть точно, он слегка водил ладонью вверх-вниз, продвигаясь по стене. Нашел. Вверху загорелся плафон, осветив пяточок на полу. Сергей не ошибся – прихожая не ограничивалась стенами, он увидел темное пространство комнаты, несколько ступенек вели вниз, по ним он и сошел. Повернулся, ища выключатель...

Ему показалось, что в кресле, стоявшем неподалеку, что-то есть. Возможно, это брошенная верхняя одежда, которую часто принимают за человека. В этой части комнаты уже не было беспросветной темноты, Сергей нашел выключатель, пошел к нему, обо что-то споткнулся, но не посмотрел, обо что именно. Загорелась большая люстра под потолком, Сергей огляделся...

В первый миг у него перехватило дыхание. Почти одновременно в голову ударила горячая волна, все будто заволочло бордовой пеленой. Когда она рассеялась, бордовые пятна перед глазами остались, к несчастью, они были реальными, а не игрой света и тени. Сергей не хотел верить, что это – следы от пуль на человеческом теле.

Не хотел верить, но куда денешься от факта? Почти в центре гостиной в кресле, свесив набок голову, полулежал пожилой человек с пышными усами боцмана. Очевидно, это и есть тесть Глеба Спасского – Аскольд Миронович. Он-то и был изрешечен пулями, его прошили автоматной очередью – Сергей в этом разбирался. Несмотря на то что кровь и трупы он видел не впервые, от внезапного зрелища горло перехватило удушье. Сергей метнулся к Аскольду Мироновичу, словно мог помочь ему, и снова споткнулся, вернее, наступил на что-то, едва не упав.

Это оказалась туфля. Женская туфля на невысоком и широком каблуке. Одна. Повернув голову вправо, Сергей заметил вторую, на ноге, которая выглядывала из-за ступенек – по ним он спустился в гостиную. Теперь уже с опаской, зная, что именно увидит, и одновременно страшась это видеть, Сергей перешел к другому краю ступенек...

Жена Глеба лежала ничком на полу. Голова Анжелы была повернута набок, открытый глаз с ужасом глядел прямо перед собой. Или это ему почудилось? Халат из голубого ситца в синий цветочек набряк от крови на спине, но Сергея больше поразили капли крови на щеке. Он стоял и тупо думал: «Почему капли на щеке? Откуда они там взялись?» Будто это было важно. А важно было не это, а два человека – отец и дочь, прошитые пулями в своем доме.

В смертельной тишине, ледящей душу и тело, особенно нереально прозвучал сдавленный крик. Очнувшись, Сергей обернулся. Полина зажала рот двумя ладонями и тряслась, вытаращив глаза, в которых отражались огни люстры. Значит, она увидела Аскольда Мироновича, он был напротив двери. Сергей утер пот с лица рукавом рубашки, не соображая, что делать дальше, как поступить.

– Спокойно, спокойно... – произнес он не своим голосом, хриплым и тусклым. – Иди к детям. И вызови милицию. – Она тарачила безумные глаза и явно ничего не слышала, пришлось повысить голос: – Милицию вызови!

– Но... но-мер какой? – выдавила Полина, пятясь назад.

– Он везде один. Ноль-два.

Пот заливал глаза, Сергей снова вытер его рукавом рубашки и замер: а где Глеб Спасский? Где его дети? Мать? Они все жили в одном доме. И что здесь произошло? Где были соседи? Неужели не слышали автоматных очередей?

До приезда милиции Сергей решил осмотреть весь дом и попытаться понять, что все-таки здесь случилось. Осторожно ступая, дабы не наследить, Сергей обошел комнаты первого этажа, попал на кухню – никого. Только беспорядок. Чудовищный беспорядок. Что здесь искали во всех комнатах и углах?

Сергей вернулся в гостиную, заметил узкую лестницу, ведущую на второй этаж. Перил он не касался, ступал на самые кончики носков и на край ступенек. Едва он достиг поворота лестницы, как тут же застыл. Там головой вниз лежал юноша. Это Егорка, сын Спасского.

Сергей его видел один раз, когда ехал с Кавказа домой и остановился у Глеба погостить вместе с Зябловым, которого, разумеется, все звали коротко – Зяблик. Егору тогда было девять, а сейчас ему двадцать... Было... Было! Всего-то!

Сергей чувствовал комок, подступивший к горлу, чувствовал, как у него подкашивались ноги, но, переступив через труп, он все же поднялся на второй этаж. Снова нужен свет. Выключатель оказался у плеча, Сергей ногтем мизинца нажал на краешек клавиши. Нельзя оставлять свои пальцы – вдруг тут есть отпечатки преступников. Загорелась цепочка из круглых светильников, вмонтированных в потолок.

Сергей опустил голову – он должен видеть, куда ступить. По полу пролегла кровавая дорожка. Значит, Егора убили в комнате, затем тащили волоком, но почему-то бросили...

Он стиснул зубы, сдержав крик ярости, пошел по стенке в ту комнату, дверь которой была открыта, оттуда же шел кровавый след. Заходить не стал. Комната была слишком мала и пуста. Теперь Сергей, достав платок и обмотав им пальцы, осторожно открывал двери... Их было три. Пусто... Пусто...

Открыв третью дверь, Сергей зажмурился и встряхнул головой. Нет, это плохое кино... Или страшный сон... Или он попал в зону аномальных явлений, где людей преследуют кошмарные видения. Сейчас откроет глаза – и все исчезнет.

Открыл глаза – нет, не исчезло. Симе было шесть, теперь ей семнадцать. И тоже было! Первый порыв, которому подчинился Сергей, – накрыть обнаженное тело на безобразно смятой кровати. И он сделал к Симе несколько шагов, очутился в комнате, однако вовремя вспомнил, что до приезда милиции ничего нельзя трогать. *Нельзя* – это слово сейчас надо помнить постоянно. И надо выйти отсюда, чтоб ненароком не сделать того, что нельзя.

Сергей развернулся на сто восемьдесят градусов, намереваясь бежать вниз, потом на улицу, здесь он попросту задыхался...

И замер на полушаге, потому что увидел его – Глеба Спасского, своего друга, именно о таких друзьях слагают песни. Когда-то им повезло, повезло настолько, что прошедшие двенадцать лет они ежечасно помнили об этом и жили с осознанным счастьем внутри, потому что понимали: их могло бы и не быть. В сущности, Глебу Спасскому Сергей был обязан тем, что жив... как и еще несколько ребят, которых он вывел из котла, потому что был умным и любил жизнь. И вот эта самая жизнь из Глеба ушла.

Спасский стоял во весь рост... Впрочем, не стоял, а висел, едва касаясь носками пола. Жгут был сделан из разодранной простыни, закреплен на здоровенных гвоздях, вбитых, скорей всего, перед повешением, о чем свидетельствовала осыпавшаяся штукатурка.

И тут неожиданно для себя Сергей заплакал. Навзрыд, глухо и отчаянно. У него вздрагивала спина, он вытирал слезы тыльной стороной ладони и не мог остановиться, хотя пытался, понимая, что нет ничего бессмысленней этих слез. И бил кулаком в ладонь. Бил с лютой злобой, будто уже знал, кто это сделал, его-то и бил Сергей. Потом вытирал слезы и снова бил кулаком о ладонь. Ничего нельзя изменить, ничего – вот что страшно. Это были слезы бессилия, а также сожаления, что он не приехал к другу раньше, когда тот его звал.

Сергей вышел на воздух, рухнул на ступеньку и, наконец, закурил. Он курил остервенело, глубоко затягиваясь, и думал: «Где же милиция? Почему так долго?» Докурив одну сигарету до фильтра, закурил вторую, потом третью...

Они приехали. Сергей не имел сил двинуться в сторону, только поставил в известность старшего группы:

– На двух выключателях мои отпечатки. В прихожей и в комнате. Потом я старался не наследить.

– Кто такие, почему здесь? – спросил старший.

Сергей достал из внутреннего кармана джинсового жилета удостоверение, протянул. Старший прочел изумленно, словно в документе обозначено место работы – преисподняя, а должность – главный бес по котлам, где варятся грешники:

– Хм, служба безопасности? Простите, капитан.

И чего он извинился? Не на ногу же наступил. Но пришлось говорить, говорить много idiotских слов, в то время как хотелось выпить, жутко хотелось выпить. А тут еще парнишка прибежал протокол составлять.

– Где мы сейчас можем найти ночлег? – спросил Сергей у старшего, тоже в звании капитана. – Жена и дети устали, у нас был тяжелый перелет, а города я не знаю. Протокол завтра составим, я сам к вам приду.

– Так в гостинице... – тот проникся положением Сергея. – Или лучше... Наша ведомственная подойдет? Мировая гостиница, там даже звезды эстрады останавливаются, когда приезжают с концертами.

– Мне все равно.

– Сейчас скажу ребятам, чтоб отвезли вас.

– Спасибо.

Пока жена укладывала детей, он сбегал в круглосуточный магазин по соседству и купил бутылку водки. Первые несколько глотков сделал прямо за углом магазина, как последний забулдыга, потом пришел в номер и принялся в темноте шарить по сумкам.

– Что ты ищешь? – приподнявшись на кровати, поинтересовалась Полина.

– Поесть, – отозвался он, хотя есть не хотелось, но без закуски водку не проглотить в таком количестве.

Полина включила настольную лампу, встала, нашла сумку с провизией. Дети постоянно хотят есть, поэтому они и запаслись продуктами. Выложив на две тарелки то, что осталось, Полина стояла, глядя, как муж налил водки в стакан, выпил и медленно, будто нехотя, закусывал.

– Ложись, – бросил он. – Я посижу.

Полина послушно легла, но не сводила с него беспокойных глаз и молчала до тех пор, пока Сергей не пошел к двери.

– Сережа, куда ты? – вскинулась она.

– Лежи, я покурю. И выключи свет.

– А как ты будешь в темноте?

– Как-нибудь разберусь.

Он не хотел, чтоб она видела его слабым. А слабость выражалась в слезах, которые то и дело наворачивались на глаза. Только вместе с водкой он их с трудом проглатывал. Но после этого изнутри поднималось нечто неукротимое и страшное, пугающее даже его. Сергей не хотел, чтоб это заметила Полина.

1920 год. Игроки

Петро проснулся далеко за полдень, на одном дыхании выпил кринку кваса, поморщился и завалился на кровать, чтобы окончательно проснуться. Похмелье – дело болезненное, к тому же осложненное ночным происшествием, короче, о дальнейшем походе не могло идти речи – разрозненные белые банды никуда не денутся. Квас квасом, а без опохмелки – не жизнь. Приняв стопку самогона, которая пошла плоховато, обжигая горло и нутро, Петро через минуту ожил и побрел в хату по соседству проведать брата.

Васька не спал, стонал. Глаз ему перевязали, но старшему брату захотелось посмотреть рану, он потянулся приподнять повязку: она прилипла. Но кое-что он разглядел и вздохнул с сочувствием:

– Без глазу ты, Васятка, остался. И бровь тебе, паскуда, рассекла.

Несмотря на боль от любого движения, Васька вдруг приподнялся, крепко схватив Петро за плечо:

– Братка, отдай ее мне.

– Не могу. Комиссар грозился пожалиться командованию.

– А на что он нам? – страстным шепотом заговорил Васька. – В первом же бою пулей его скосим и – поди узнай, кто. А то можно и так... Он многим не по душе. Мы ж сила, Петро, свою армию создадим, свою власть установим можем, за нами пойдут...

– Ты эти подрывные речи брось, – строго сказал Петро. – Я командир огромной армии, которая снесет всю погань. И белых, и банды всех мастей. А мне будет почет и уважение.

– Ой, Петро... – не поверил ему брат. – Сдается мне, ты и со мной лукавишь. А кто разбой разрешил? Не ты ли?

– На то закон есть древний: победителю барыши.

– Так чем же мы не банда?

– Я все сказал! – гаркнул Петро и поднялся. – Запомни: из-за белогвардейской девки я не стану в петлю лезть. Советы победят, такое мое заверение.

Но как многие, кто выбился «в люди» неожиданно даже для них самих, он имел массу слабостей, а когда принимал спиртное, то и вовсе становился не хозяином себе. Вечером продолжалось празднование победы, только пить и душевные беседы вести поднадоело, хотелось развлечений. Основная забава – карты. Тут Петро проявил истинную страсть, ибо не желал, чтоб его обыгрывали, ведь он везде должен быть первым, а несознательные уголовные элементы имели свои правила и не поддавались ему. Собственно, Петро не хотел в таком искусном деле жалких подачек, он мечтал выигрывать сам, и иногда это ему удавалось.

Проигравшись в очередной раз, командир расстроился, опустошил стопку, уложил локти на стол и свесил голову, исподлобья глядя на того, кому незаслуженно повезло.

За командиром во время игры наблюдал Яуров, а рядом с ним стоял, грызя ногти, Бедносец – прожженный ворюга, шалопай и мошенник, никогда не имевший ни матери с отцом, ни совести с честью. Бедносец в отряде был сам по себе, однако тянулся к Яурову, во всяком случае, уважал его за храбрость и честность, наверно, втайне мечтал сделать его своим подельщиком. Бедносец придвинулся к Яурову, зашептал:

– Худо, когда голову теряют в игре, командир ее потерял.

– А ты выиграешь у него? – любопытствовал Яуров.

– Я? – Бедносец скосил на него хитрющие, маленькие черные глазки, надменно фыркнул, мол, мне это дело – тьфу.

– Так выиграй.

– Интересу нет. Командир все продул.

– Не все. У него дивчина белогвардейская есть.

– На что она мне? Ее Васька хочет, вот пуцай и берет, ежели сможет.

– А ты выиграй и мне отдай, – провоцировал его Яуров.

– Задаром отдать? – скосил хитрые глаза Бедоносец.

Яуров подумал, что предложить алчному вору, ничего-то ценного у него не имелось, грабежами он не промышлял. Впрочем... Он растегнул рубашку:

– Гляди, что у меня есть. Дедовский крест. Золотой.

Бедоносец взял двумя пальцами крест, повертел, оценивая:

– Реликвия?

– Чего? – не понял Яуров.

– Фамильная вещь, память. Не жаль расставаться?

– Ты выиграй дивчину, а мое слово крепкое.

– По рукам. Только на что она тебе? Злить всех, особливо Ваську? – И вдруг его рот растянулся в сальной улыбочке. – Или прикипел к ней?

– Жалко, – сказал Яуров правду, но вор не поверил.

– Командир, не сыграешь со мной? – крикнул Бедоносец, перекрывая гомон.

Петро знал особенные способности вора в карточных играх и решил: проиграю – так хоть чему-то научусь у него. Однако первую игру он выиграл, а вор поднял подлые брови, что означало удивление:

– Видать, я немного не в форме. По второму кругу пойдём?

Командир, конечно же, согласился, окрыленный неожиданной удачей, но на этот раз выиграл Бедоносец. Стол окружила плотная толпа, Яуров был тут же, решив про себя: если не выиграет вор дивчину, стало быть, судьба ее такая. А Петра разобрало, он потребовал еще партию и выиграл. После проиграл два раза подряд, вор ему подлил самогона:

– Не горюй, командир, ты ж не жизнь свою проиграл.

– Играем! – рявкнул Петро.

– Интересу нет, – зевнул Бедоносец. – Серьезу нет.

– Чего хочешь? – не унимался командир.

Вор оглядел присутствующих и подался к Петру:

– Ставь беляковскую девку.

– А ты что поставишь? – занесло того.

Бедоносец снял с мизинца массивный серебряный перстень с лиловым камнем, положил его на стол со словами:

– Вещь дорогая, девка ее не стоит. Но главное – игра, верно?

Петро на секунду задумался: выиграет вор – ее пустят по кругу, да он и сам с удовольствием отдал бы им даром белогвардейскую суку, но комиссар... С другой стороны, он перестанет за нее отвечать, она перейдет в другие руки, стало быть, с них комиссар пусть и спрашивает.

– Приведите ее! – и он ударил ладонью по столу, что означало согласие.

По хате прошел гомон, игра становилась по-настоящему азартной...

4

Наши дни. Непростая вещь – выбор

Прошла неделя. Сергей ежедневно ходил в милицию, иногда и по два раза на дню, пере-знакомился со следственной группой, работающей по убийствам в доме Спасского. К нему относились настороженно и с недоверием. Впрочем, всем известно: согласия в ведомствах нет, наверное, и никогда не будет, словно это две антагонистические партии, не умеющие, а точнее – не желающие договориться. Тем не менее Сергея хотя бы не гнали, а нежелание видеть его проскальзывало, правда, неоткрыто, прячась за дружелюбными улыбками и словами, но дистанция чувствовалась во всем. На его вопросы никто не давал конкретных ответов, кормили отговорками или сакраментальной фразой: «Извини, дел по горло». Однако Сергей умел налаживать контакты, и первый, с кем ему удалось относительно легко сойтись, – оказался тот самый кэп, лет на десять старше Сергея, по фамилии Каюров, который был старшим группы в ту безумную ночь. Про таких говорят: живет с тоской внутри. Что за тоска притаилась в душе Каюрова, Сергея не интересовало, да и внешние признаки еще ничего не значат, часто это свойство характера, не более.

Устроились в кафе под открытым небом, заказали пиво. Каюров затянулся сигаретой, не взглянув на Сергея, тот молчал и тоже курил.

– Чего ты от меня хочешь? – не выдержал Каюров.

– Версии, – коротко ответил Сергей. – Только не заливай про тайну следствия и тому подобную дребедень. Убит мой друг, убита его семья. Я не собираюсь разглашать ваши тайны, потому что лицо заинтересованное. Так какие версии?

– Пока две, – выпустив кольцо дыма, сказал Каюров. – Чеченский след...

– Серьезно? – скептически произнес Сергей, чуть не расхохотавшись.

– А что тебя не устраивает? – слегка завелся Каюров.

– Время. После первой войны Спасского комиссовали – ранение было тяжелое. Вторая война обошлась без его участия. И так, прошло более десяти лет. Что ж на него раньше этот след не наступил?

– Иронизируешь? А это основная версия. У них же там кровная месть, и все прочее...

– Давай вторую, – вздохнул Сергей, понимая, что не убедит Каюрова, равно как и следствие.

– Ограбление, – потупился тот, видимо, соображая, что вторая версия с еще большим минусом.

Принесли пиво, Сергей налил из бутылки в стаканы себе и Каюрову, выпил до половины, после этого сказал:

– Крутые у вас грабители – автоматами орудуют. Конечно, в доме что-то искали, но у Спасского не было огромных денег и ценностей. И жестокость чрезмерная для ограбления. Сам-то что думаешь?

– А хрен его знает, что думать. – Каюров выпил пива, уложил локти на стол, свесил голову. – Начальство в панике, хочет утаить шило в мешке, журналистам суют под носы кулаки, чтоб не пищали. У нас же такого с лихих девяностых не случалось. Ну, собирали после бан-дитских разборок трупы, но чтоб всю семью... не было такого даже тогда. Думаю, твой Спас-ский кого-то крупно достал.

Уже кое-что, а не размытые идеи типа «кровная месть» на пару с ограблением. Раз так думает Каюров, то наверняка эта же мысль посетила еще кого-то из следственной группы. И она необязательно совпадает с мнением начальства, видимо, поэтому ее как версию не оформили.

К сожалению, в России две беды: дороги и начальники, а начальник всегда прав. При всем при том Сергею показалось: Каюров чего-то недоговаривает. Закурив, он спросил:

– Неужели в вашем городе существуют крупные группировки, а вы о них не знаете?

– При чем здесь группировки?

– В доме Спасского побывало несколько человек, надеюсь, это не вызывает сомнений?

Они были неплохо вооружены – автоматами. Следовательно, там поработала преступная группировка.

– В том-то и дело! – излишне горячо сказал Каюров. – По мелочовке, так везде и сколько угодно, а чтоб с автоматами... нет, такого не случилось.

– Но случилось, это неоспоримый факт. Кого Глеб мог так достать?

– Тебе зачем?

– Может, я сгожусь в качестве добровольного помощника...

– Не надо. Приехал отдыхать – отдыхай.

– М-да, отдых как раз самое то после всего случившегося, – усмехнулся Сергей.

– А нам для полного счастья не хватает только твоего трупа. Если Спасский куда-то вляпался, то его смели серьезные люди. Не лезь в это дело, разберемся сами.

– Кто спорит, – сказал Сергей, разливая пиво. – В доме не было матери Спасского, что с ней?

– Ты не знаешь? – удивился Каюров. – Жива она. В больнице лежит, ей операцию сделали, желчный пузырь удалили...

– Почему ты молчал? – вскочил Сергей. – В какой она больнице?

– В многопрофильной... в первой. Да сядь ты, остынь. – Сергей опустил на стул, подозревая, что у Каюрова есть еще информация. – К ней сейчас бесполезно идти. Нашлась «добрая» душа, пришла ее навестить и выложила ей, что старуха из всего семейства одна жива осталась. Бабку из шока еле вытащили, теперь колют, чтоб спала беспрепятственно.

– Говоришь, добрая душа? И кто такая?

– Неизвестно. Говорят, женщина к ней заходила лет сорока. Брюнетка, в дымчатых очках, высокая, спортивная. К сожалению, в палате тогда были две женщины, третья как раз вышла, а та, что описала приметы, старовата, могла и напутать.

Умение слушать было заложено в Сергее генетически, этим он отличался с детства. И сейчас уловил в интонации Каюрова, в построении фраз, что женщина пришла добить мать Спасского. А много ли старухе надо? Всего-то сказать несколько слов, которые способны убить. Но посетительнице не удалось выполнить свою подлую миссию, значит... Сергей положил деньги под стакан, поднялся:

– Ладно, спасибо, что уделил мне время.

– Куда ты? – забеспокоился Каюров. – В больницу?

– Нет. Моя семья торчит в гостинице, пора о ней подумать. Повезу их к морю, а на обратном пути заеду.

– Ну, бывай, – поднялся и Каюров.

– Я буду звонить тебе, держи меня в курсе, ладно?

– По мере возможности, – уклончиво ответил тот.

Пожали руки и разошлись в разные стороны. Свернув за угол, Сергей достал трубку, набрал номер и ждал, поглядывая по сторонам.

– Алло, Серега?

– Я, – сказал он. – Зяблик, твой тарантас на ходу?

– Стоит на приколе. Я на нем за город езжу, его ж не угонят. А угонят, так не жалко. Чего это ты вдруг им заинтересовался?

– Потому что твоим новым автомобилем здесь заинтересуются. Садись в тарантас и дуй к Спасскому. К утру доберешься, я подсчитал.

- Не понял, – протянул Зяблик.
- Помнишь, мы договорились: по первому зову... и так далее?
- Что-то случилось?
- Да.
- Но... Послушай, Серега, я не могу так сразу все бросить...
- Буду ждать тебя утром на трассе у въезда в город, – перебил его Сергей. – Денег захвати.

И побольше.

Все, этого должно быть достаточно, чтоб Зяблик понял: случился прецедент, его помощь необходима. Друзей не кидают в трудную минуту, они сейчас даже не на вес золота, а оцениваются в каратах. Это тоже должен понимать Зяблик, потому что никому не известно, каким боком к нему повернется судьба. На кого тогда рассчитывать? То-то и оно.

Сергей заметил приближающееся такси, остановил его.

- На вокзал, – бросил он, садясь, водителю.

Полина старалась скрыть неуместную радость по поводу отъезда, но делала это неумело. Сейчас есть много женщин, отдающих всю себя работе, а она на первое место поставила семью, на второе и третье тоже, только на четвертом месте была работа. Последние дни, видя состояние мужа, Полина мечтала об одном: покинуть этот город. Да, это эгоистичное желание. Но что может сделать Сережа? Спасскому уже не поможешь, зачем же травить себя водкой, воспоминаниями и злостью? Казалось, ее мечта несбыточна, она и дети обречены сидеть в гостинице, в лучшем случае гулять в парке или по набережной у реки. Но вдруг явился Сергей и потряс билетами:

- Собирайся.

– А куда мы едем? – сдерживая рвавшееся наружу ликование, спросила она.

– В Туапсе к тете Рае, – ответил он, став вдруг таким, каким она привыкла его обычно видеть. – Там частный дом, козы, лес, море. И ждут нас, я уже звонил.

– Как тебе удалось билеты достать? – не верилось ей. – Это же поезд.

– Так еще не сезон, май – не лето. Живо собираемся. А назад полетим самолетом, дед Алеша отвезет в Краснодар.

Полина сбегала в магазин, купила целую сумку еды. В сумерках они были уже на вокзале, ждали проходящий поезд. Сергей занес вещи в купе, усадил детей, положил билеты на стол, деньги в сумочку жены, достал пластиковую карточку вместе с листком из блокнота и тоже положил на стол. Наблюдая за манипуляциями мужа, Полина встревожилась:

- Сережа, что это значит?

Он поцеловал детей, сказал, чтоб слушались маму, потом кивнул на выход:

- Идем, Полина.

У нее задрожали коленки и руки. Еще отказываясь верить в то, о чем уже догадалась, Полина произнесла непослушными губами:

- Сумку оставь...

– Идем, – бросил Сергей через плечо, пробираясь к выходу. Людей в узком проходе вагона толклось хоть и немного, но они мешали.

Он кинул сумку на перрон, повернулся к Полине, взял в ладони ее лицо и сказал:

- Я хочу, чтобы ты поняла: мне надо остаться.

– Ты никогда не спрашиваешь, чего хочу я, – подавляя слезы, вымолвила Полина.

– Спрошу, – пообещал Сергей. – Приеду и спрошу. Когда деньги кончатся, снимешь с моей карточки, я написал рпн-код и как это делать.

Серые глаза Полины излучали тревогу, негодование, обиду и еще много чего, что не выскажешь человеку, без которого не мыслишь жизни. Полина и не высказала, за нее это сделали слезы, покотившиеся по щекам.

Поезд тронулся. Проводница попросила отойти от выхода. Сергей быстро поцеловал жену в губы, в глаза, нос, щеки, потом опять в губы. Спрыгнул. Схватившись за поручни, Полина выглянула из вагона, ее голос сорвался на отчаянный крик:

– Сергей, ты когда-нибудь будешь с нами считаться?

– Я приеду. – Он повесил сумку на плечо и шел за набирающим скорость поездом.

– К черту твои обещания! И тебя к черту! Ты не думаешь о нас. Пожалуйста... Я прошу тебя, еще не поздно... Зайди в вагон!

– Прости, Полина, прости. Я приеду. Скоро.

Проводница отгеснила Полину, но она выглядывала из вагона, пока поезд не отошел от перрона.

Господь или Сатана, но кто-то правит людьми, в результате они становятся не хозяевами себе – к такому выводу пришел Марлен Петрович. Он предпринял все, чтобы сохранить дырявый союз сына и невестки: как уговорил сына не делать резких движений, так и ее убедил не уходить, а подождать, ведь это не столь уж сложно. Оба согласились, тем не менее отчужденность между ними росла. Как два тупых барана, они уперлись лбами! Ярослав дома почти не бывал, ссылаясь на дела, и Валентину редко удавалось увидеть. Марлен Петрович не вмешивался, чтобы не внести дополнительный разлад, терпеливо выжидал, но и его терпение закончилось.

Однажды, подъезжая к дому, он увидел, как из ворот выехала Валентина. Марлен Петрович успел заметить, что выглядит невестка на все сто, обычно она мало пользовалась косметикой, а тут намазалась так, что трудно узнать. Он не ханжа, во всяком случае, считает себя вполне современным человеком, да и у Валентины могут быть встречи с подругами. Но именно в тот вечер он почему-то подумал не о подруге, а о друге, заподозрил, что невестка, озлобившись, завела роман на стороне. Ну, тогда ей не поздоровится. В таком случае она уйдет из дома уже не по собственному желанию, а по его велению и без детей.

На следующий же день он отдал приказ выследить, с кем встречается Валентина. И вскоре получил фотографии с комментариями секретаря, который передавал ему снимки по очереди:

– Это в кафе. Она встретилась с мужчиной, судя по всему, разговор был деловой... А это с другим мужчиной в ресторане, беседа была теплой, они танцевали... Это с Амбарцумом. Это на выставке. Кажется, с этим мужиком она столкнулась случайно, но вышли они вместе, Валентина подвезла его до Дворца спорта...

– Интим есть?

– Что?

– Моего сына сняли во время занятий сексом. Подобные снимки моей невестки есть?

– Нет. Гостиницу она не посещала, квартиру, куда бы заходила постоянно, мы тоже не засекли...

– Добудь, – оборвал его Марлен Петрович. – Либо она очень осторожна, либо хитра, но у нее есть любовник.

– Будет сделано.

Он был уверен, что Валентина решила гульнуть на полную, доказывая себе и мужу, что еще имеет шанс на успех. И тому свидетельство – фотографии. Зачем она ездит на свидания с мужчинами? Допустим, с одним встретилась по делу, а со вторым и третьим?

Марлен Петрович приехал домой, а там пусто. Зашел к внукам, мальчикам было девять и семь, гувернантка занималась с ними английским языком. Внуки хором попросили дедушку разрешить им поиграть на компьютере. Разумеется, он разрешил, хотя гувернантка умоляла не потакать детям, но кто она такая? Марлен Петрович кинул на нее один лишь взгляд – и она заткнулась. Он пошел в кабинет, у него без домашних мелодрам было полно проблем. Но именно проблемы не дают ощущения старости и одиночества.

Однако Марлен Петрович не занялся делами, а еще раз просмотрел снимки с Валентиной и мужчинами. После чего брезгливо бросил их в ящик бюро, закрыл на ключ – пригодятся. И достал стопку старых фотографий, уселся на диван, перебирал их по одной. Некоторым из этих снимков было без малого сто лет.

Внизу залаяла Сита, значит, кто-то из гулен явился домой. На часах девять, что-то рано. Марлен Петрович не захотел встречаться ни с сыном, ни с невесткой – надоели оба. Но вспомнил, что не ужинал, позвонил и попросил подать ужин в кабинет.

1920 год. Выигрыш

Вскоре привели Катю с повязкой на руке, которую сделал вчера Яуров. Мужики расступились, давая ей дорогу. Кто-то подтолкнул девушку в спину, она приблизилась почти вплотную к столу. Петро только в этот момент, хоть и сквозь пьяный угар, разглядел, что она хороша собой, такую и под бок положить не грех. Но он люто ненавидел контру, поэтому, опершись о стол обеими руками и придав своему голосу весомости, сказал ей:

– Ты моего брата без глаза оставила, а ведь я хотел тебя в жены временно взять.

– Лучшие убейте, – тихо сказала Катя. Тихо, но дерзко.

– Чего? – не расслышал Петро, даже голову повернул в ее сторону, но Катя не повторила. – Гляди-ка, не желает с командиром говорить! Ну, сама судьбу выбрала. Бедоносец, ставлю контру на кон.

Вор раздал карты, пошла игра. В хате азартно замерли, некоторые напряженно курили. Не судьба девки их интересовала, а тот, кто получит выигрыш. Да и кон особый – не каждый день баб разыгрывают. Петро брал взятки, наконец криво и удовлетворенно улыбнулся, кинув на стол карты. Бедоносец спокойно и аккуратно положил свои – у него было четыре туза.

– Экая редкость! Надо же! – загалдели восторженные голоса.

– Моя дивчина, – сказал Бедоносец.

Петро вскочил на ноги и заорал:

– Ты, видать, смошенничал! Со мной? С командиром?

– Свидетелей много, – надевая на мизинец перстень, сказал вор. Раздались голоса в его защиту, мол, по правилам играли, честно, все видели. – Карты, командир, – это фортуна. В переводе означает – везение. Сегодня мне повезло, завтра тебе... повезет. Я забираю девку.

Он взял Катю за руку, вывел из хаты под смехи, сальные шуточки и ценные советы, что с ней делать. Она шла ни жива ни мертва, только думала, где бы взять что-либо острое да вонзить в негодяя. На улице к ним подошел еще один, значит, их будет двое, это плохо. Катю начало трясти от безысходности. Но Бедоносец сказал второму:

– Забирай, а мне отдай обещанный крест.

Яуров снял крест вместе с цепочкой, отдал вору, Катя поняла, что этот второй ее купил, теперь она его собственность. Тем временем Яуров, схватив Катю за локоть, повел в соседний двор, где пряталась ее семья от красных. Он постучал в окно, вышла молодайка.

– Отдай вещи дивчины, – сказал он.

– Так заходите, – распахнула она дверь, приглашая.

В углу стояли четыре дорожных баула разной величины. Яуров попросил веревку, связал по два баула вместе, взвалил их на плечи и скомандовал Кате:

– Иди за мной, коль жить охота.

Прошли немного по темной улице, Яуров вывел коня из загона, взгромоздил на него поклажу и посадил Катю, спросив:

– Скакать умеешь?

– Умею, – ответила она.

Яуров взял лошадь под уздцы, вывел за хутор и сказал:

– Ну, прощай. Дале сама скачи.

Катю обожгли его слова – неужто отпускает?! Она приготовилась пустить лошадь во весь опор, пока этот человек не передумал, но, не зная, в какую сторону ехать, сдержала поводья:

– А куда скакать?

– А... – он поднял руку и огляделся. Куда ж ее направить?

Где тут кто засел? К своим ей надо, а где они? Да и как одной-то ночью в чистом поле? Оно ж и днем опасно. Решение он принял, когда посмотрел в сторону родного хутора, куда рвался всей душой:

– Обожди здесь. Я быстро...

Он вернулся на хутор, втайне надеясь, что дивчина сбежит. Яуров вывел своего коня, прискакал к хате, где остановился на постой Силантий Фомич, стукнул в окошко и позвал:

– Комиссар! Комиссар, выдь, а!

– Что опять стряслось? – тот появился в исподней рубашке. – А, это ты, Яуров.

– Комиссар, тут вот какое дело. Я хочу домой на хутор сгонять. Здесь недалеко, всего-то часа два. Бедоносец выиграл беляковскую дивчину в карты, я купил у него ее...

– Совсем распустились! – вознегодовал комиссар, но Яуров продолжил:

– Отвезу ее на хутор к мамаше, а то растерзают дивчину.

– К утру управишься?

– Постараюсь. А не выйдет, скажи, будто в разведку меня отправил, заодно и разведую, как там.

– Ну давай, Яуров, – хлопнул его по плечу комиссар. – Скачи, не трать время. Хороший ты человек, настоящий.

К неудовольствию Яурова, Катя не сбежала, видимо, поняла, что от молодого казака не будет беды. Он переложил связку из двух баулов на холку своего коня, скомандовал:

– За мной, не отставай.

Две лошади понесли всадников в неизвестность, ведь ночью кого только не встретишь в степи – и белых, и бандитов, да и просто одиночек, промышляющих на большой дороге. Яуров на всякий случай расстегнул кобуру, чтоб вытащить револьвер без промедления.

5

Наши дни. Первое столкновение

В низинах клубился туман. Одинокая фигура на дороге ранним утром, где не бывает пешеходов, потому что далеко от города, наверняка привлекала проезжающих водителей именно тем, что не останавливала их. Впрочем, на трассе было полно шизиков разных мастей, поэтому добровольно никто не остановится, редкий водитель затормозит, когда голосуют, ведь, кроме шизиков, на дорогах промышляют и отпетые разбойники.

Сергей сидел на камне, который сам прикатил к обочине, сидел и курил. Время от времени он смотрел на часы, потом ежился: утренняя свежесть проникала под куртку, искала на теле уязвимые места и пыталась их холодом. Изредка Сергей зевал или встряхивался, чтоб взбодриться, иногда прогуливался взад-вперед. Часы ожидания тянутся медленно и тоскливо, но Сергей провел это время с пользой, разработал в уме стратегию. Зазвонила мобила, это был Зяблик:

– Подъезжаю.

– Я на месте, жду, – сказал Сергей.

Он встал с камня, потянулся и уставился на ровную линию дороги, уходящую к горизонту. Старый облезлый джип он увидел издали. Сергей упер руки в бока и ждал, когда подъедет Зяблик. Не виделись года два, это достаточный срок, чтобы измениться как внешне, так и внутренне. Тем не менее Зяблик приехал по первому его зову, значит, с ним полный порядок.

Открыв дверцу джипа, Сергей присвистнул. На пассажирском месте сидела такая птица – упасть не встать. Ног у нее оказалось слишком много, в смысле – длинные и бросающиеся в глаза, они заполнили все свободное место. И только во вторую очередь Сергей заметил смазливое личико, затерявшееся в копне волос, два ярко накрашенных глаза смотрели на него с любопытством. Не дождавшись от Сергея ни одного слова, она улыбнулась, как улыбаются женщины, знающие себе цену:

– Привет.

– Это кто? – спросил Сергей у Зяблика.

– Ирма, – представил тот девушку. – Она составила мне компанию...

Сергей забрался на заднее сиденье, захлопнул дверцу и скомандовал:

– Поехали.

– Куда?

– Пока прямо. Я покажу дорогу.

Зяблик уже не был похож на пацана, которому когда-то выпал нелегкий жребий попасть в ад, а потом из него счастливо выбраться. У некоторых крыша ехала, а он смог переступить черту, разделяющую то время и настоящее. Хотя, как говорится, ничем выдающимся он не отличался. Был субтильным интеллигентом, таким, кажется, и остался, но несколько возмужал и окреп. Зяблику не дашь тридцати двух лет – на вид ему много меньше, очки в роговой оправе солидности не прибавили, напротив, придали Зяблику трогательной незащищенности. И кто бы сказал, что в этом страусенке (рост под метр девяносто) силы больше, чем в кулаке? А сила заключалась в уме, крепком характере и упорстве. Недаром Зяблик добился таких успехов.

Приехали... в аэропорт. Сергей отдал команду выходить. Ирма, опустив свои длинные конечности на землю, поинтересовалась:

– Мы кого-то встречаем?

Сергей ни полслова, лишь махнул головой, мол, за мной идите. Он направился к кассе, Ирма с Зябликом остановились в сторонке, а Сергей склонился к окошку:

- Ближайший рейс до Москвы когда?
- В десять тридцать, – ответила кассирша. – Вам сколько билетов?
- Один. Ирма! – Девушка подошла к нему. – Дай паспорт.
- Зачем? – удивилась она, снимая ремешок сумочки с плеча.
- Давай, давай, – поторапливал он, протянув ладонь.

Ничего не подозревающая Ирма отдала паспорт, оглянувшись на Зяблика, дескать, ты-то хоть объясни, что происходит. Тем временем Сергей, уточнив сумму, заплатил, взял билет и повернулся к Ирме:

– Ты летишь назад. Это твой билет.

– Как это?! – ощерилась та. – Ренат! Что этот мужлан себе позволяет? Да кто он такой, что тут командует?

– Сергей, правда... – начал было Ренат, но друг взял его за локоть и отвел в сторону.

Сергей говорил быстро. Ирма пыталась прочесть по артикуляции, о чем идет речь, но ни черта не поняла, однако увидела, что Ренат заметно побледнел и в растерянности потирал подбородок. Вернулся он к ней один, «мужлан» куда-то ушел.

– Ирма, ты летишь назад, – сказал Ренат.

– Что за номера? – громко возмутилась она. – Я разве напрашивалась? Ты сам предложил мне поехать с тобой, а теперь...

– Обстоятельства изменились.

– Плевать мне на обстоятельства. Я тебе не дешежка, которую подбирают дальнбойщики, чтобы развлечься в поездке.

– Ирма, так надо...

– Да пошел ты к черту! Тоже мне – плейбой недоделанный. И я кинулась на эту преснятину? Которая постоять ни за себя, ни за меня не может? Ночь тряслась в дырявом джипе! Да меня на смех подняли бы знакомые, если б увидели. О боже, я сошла с ума.

Психанув, она вырвала из его рук паспорт с билетом. К тому времени вернулся Сергей с ее сумкой, которую Ирма бесцеремонно выхватила у него и двинулась на регистрацию, не попрощавшись.

– Ты разбил мою будущую семейную жизнь, – глядя ей вслед, констатировал Ренат, правда, без сожаления.

– Значит, некрепкое твое будущее, раз его так легко разбить, – философски заявил Сергей. – Она точно улетит?

– Не сомневайся, – вздохнул Ренат. – Для Ирмы уже подвиг, что она села в непрезентабельный джип и проехала в нем целую ночь.

– Наверное, на романтику потянуло, – покосился на него Сергей, не имея сочувствия к оскорбленному и покинутому. – Где ты только их находишь?

– Сами находят.

– Тем более, на фиг она тебе? За километр видно: дура.

– В постели мне ум не нужен.

– По жизни он нужен, уж поверь мне как старшему.

– Ладно, – махнул рукой Ренат, поворачиваясь к выходу. – Все, что ни делается, делается к лучшему. Поехали?

– Из-за твоей красотки мы потеряли время.

Они купили газету с объявлениями и до четырех часов гоняли по городу в поисках жилья. От гостиницы даже как от временного варианта Сергей категорически отказался, квартиры его не интересовали – только дома, причем из рода развалин и на окраине. Кто ищет, тот находит, а кто умеет шевелиться, тот находит быстро. Сергей облюбовал домик из трех комнат, где было не развернуться – настолько он оказался мал, зато какое преимущество: имелся въезд для автомобиля (без гаража), двор с собакой и сад с огородом – очень «нужное» приложение

к дому. Его сдавала женщина, не вступившая в права наследства после смерти отца, следовательно, она не могла пользоваться им по своему усмотрению, о чем их предупредила. Соответственно, попросила, чтоб соседям квартирорьемщики представлялись ее родственниками. Сергей и Ренат расплатились за оставшиеся пять дней мая и весь июнь, мол, пока достаточно, а там видно будет. Оставив вещи в домике, забрались в джип.

- Куда? – заводя мотор, спросил Ренат.
- В больницу. Только бы она жива была.
- Считаешь, что ее попытаются убить?
- Уже пытались. А раз не удалось, попытаются еще, но выберут более надежный способ.
- Значит, она знает, за что убили ее семью?
- Надеюсь.

В половине шестого, а разрешено было посещать больных до шести, Сергей и Ренат вошли в палату на четверых с букетом цветов... а палата оказалась пуста. Койки разобраны, на тумбочках еда, чашки, лекарства, значит, обитатели где-то рядом. Выходя из палаты, они столкнулись с женщиной.

- Вы к кому? – спросила она.
- К Маргарите Назаровне, – ответил Ренат.
- Так ее только что санитары повезли на каталке...
- Куда?! – в унисон воскликнули оба.
- К лифту...
- Ей плохо стало? – осведомился Ренат.
- Да нет, – успокоила его женщина. – Ее куда-то переводят.
- Где лифт? – сунув ей букет, быстро спросил Сергей.
- У лестницы... Эй! Спасибо за цветы...

На «пожалуйста» не было времени.

– Что за санитары? – бубнил Ренат. – Куда повезли Маргариту Назаровну в конце рабочего дня? Ведь почти шесть вечера. Не кардиограмму же делать!

Эти же мысли мгновенно пронеслись и в голове Сергея, поэтому действовал он так же быстро, надеясь перехватить санитаров. Лифт ехал вниз, каталки с санитарями на площадке не было. Сергей рванул на лестницу, крикнув Ренату:

- Зяблик, вниз!

Пролеты они пробегали на скорости, которую вряд ли позволяют себе даже гонщики. Мелькали лица, повороты, сзади им вдогонку несло:

- Ай! Ой! Чокнутые! Психи конченные! Идиоты!

Больные люди вышли на лестничные клетки покурить, пообщаться с родственниками и знакомыми, а тут несутся два ненормальных, нагло расталкивая всех без разбору. Зато проскочили они с пятого на первый этаж максимум за минуту.

Сергей распахнул дверь, а вот и санитары, выкатывающие каталку с Маргаритой Назаровой из лифта. Из-за худобы ее сразу и не заметишь, но голова с завитыми седыми волосами точно принадлежала матери Спасского. На миг Сергей замер, экипировка у санитаров – не придерешься: белые халаты, лица закрывают медицинские маски, на груди бейджики с именами. Тем не менее доверие подводит только доверчивых людей, Сергей к этой категории не относился, поэтому пропустил вперед Рената, шепнув:

- У тебя печать на лбу: врач. Иди. Я прикрываю.

Каталка слегка застряла, ее двинули назад, развернули...

– Куда везете больную? – Ренат подошел к санитарам с серьезной физиономией, по которой струился пот. Но что интересно – дыхание не выдавало, что минуту назад он бежал сломя голову.

Секунда растерянности в глазах санитаров. Очевидно, они готовы были к любым вопросам. Тот, что ближе, ответил:

– В реабилитационный центр ветеранов как мать участника войны. Для таких больных у нас разработаны специальные программы.

– Почему в конце рабочего дня? – спросил Ренат, понятия не имевший, существуют ли на самом деле подобные центры в этом городе.

– Машины были заняты.

– Покажите ее карту, – сообразил Ренат.

– А вы, простите, кто?

– Зам главного врача.

– Карту мы завтра заберем, – сказал тот, что стоял в лифте. – Сегодня некогда, машина ждет.

– Карту, – потребовал Ренат. – И направление. Или другой документ, в котором указано, на каком основании больная подлежит перевозке в другое лечебное учреждение. Кстати, кто ее лечащий врач? Он знает?..

– Знает, конечно, – не дал ему закончить первый. – Только его сейчас нет. Прошу простить, но наше дело маленькое. Сказали перевезти старушку, мы и везем. Не понимаю ваших претензий.

– Молодые люди, о чем вы спорите? – наконец подала голос и Маргарита Назаровна.

– Верните женщину в палату, – потребовал Ренат.

– Нам что, бензин жечь почему зря? – возмутился второй. – И так еле машину дали. Можно подумать, мы молоденькую девчонку решили выкрасть из больницы ради выкупа. Смешно, ей-богу!

– Повторяю: верните...

Ренат осекся на полуслове, так как первый «санитар» выхватил из-за пояса пистолет, зло и в то же время тихо прошипев:

– А ну пошел в лифт, придурок. И второй! Быстро, козлы!

– Господи, что здесь происходит? – потрясенно вымолвила Маргарита Назаровна.

– Бабуля, заткнись, – ласково сказал ей первый. Его глаза успевали бегать и по сторонам, и не выпускать из виду приставал. – Лежишь, бабуля? И лежи себе смирно. Пшли оба в лифт!

Ренат протиснулся между тележкой и проемом, Сергей в это время проходил мимо вооруженного санитаря и чуть слышно прищелкнул языком, надеясь, что Зяблик поймет. Тот понял. Оба действовали одновременно. Сергей лихо выбил пистолет из руки первого и ударил его в солнечное сплетение. Ренат врубил второму ногой по плечу, у шеи сзади. И удар вроде был несильный, а парень просто врезался в стену лифта, глухо вскрикнув, затем свалился, как мешок. Каталка самостоятельно выехала, из лифта и вписалась в угол. Маргарита Назаровна ойкнула, села, схватившись за грудь, и пробормотала с ужасом, не имея сил кричать:

– Помогите... Здесь убивают... Помогите...

Тем временем Сергей затащил первого «санитара» в лифт и отдал пистолет Ренату:

– Подержи на мушке. – После этого кинулся к матери Спасского. – Маргарита Назаровна, не бойтесь, это я, Сергей Лабутин. А то Зяблик, Ренат Зябликов. Помните нас? Узнали?

– Сережа? Ренат? – не верила своим глазам старушка. – Ах, Сережа...

– Да-да! – обрадовался тот, что она вспомнила. – Мы пришли вам помочь. А это не санитары, они вас хотели выкрасть. Посидите тут, я щас...

Он ринулся в лифт, где Ренат держал «санитаров», сидевших на полу, под прищелом. Сергей присел перед ними, заговорил свирепо, скороговоркой:

– Не с теми вы связались, пацаны. Кто вас сюда прислал? – Первый «медбрат», уже без маски, зло сплюнул в сторону и молчал. – Вам, наверное, неизвестно, что на теле человека есть

особые точки. Мягкий удар по такой – и на той каталке, что стоит в коридоре, вас отвезут в морг. Отвечать! Быстро!

Чтобы его слова не были пустым трепом, Сергей ударил в болевую точку всего лишь выпрямленными пальцами, можно сказать, изящно. Первый «медбрат» сморщился, застонал, но процедил сквозь стиснутые зубы:

– Кабан.

– Имя! Фамилия! – рявкнул Сергей. – Где его найти?

– Он сам тебя найдет и засолит частями в бочке, – пригрозил «медбрат».

– Я большой, соли не хватит. А тебя он, пожалуй, расчленит, когда узнает, что кормит зря.

Так что советую придумать для него правдоподобную версию, как ты прошляпил старушку. Или смыться на Северный полюс и затеряться там во льдах. Имя!!!

– Жалыбин Илья Викторович.

– Где найти?

– У него игровые автоматы в городе...

– Точнее! – рявкнул Сергей.

– По вечерам в кабаке «Плавучий остров». Дебаркадер переделан в кабак и гостиницу, все принадлежит ему, находится за городом. Усек?

– Усек.

Времени действительно было в обрез, ведь везение не бесконечно. И, пока никто не зашел в этот закуток на первом этаже, Сергей вырубил «санитаров» по очереди, обыскал их, забрал оружие и запустил лифт наверх. Теперь главная проблема – как вывести Маргариту Назаровну. Ренат и Сергей подошли к перепуганной женщине.

– Идти можете? – спросил Сергей. – Вам нельзя здесь оставаться.

– Могу, – сказала она. – Я не лежащая больная.

– Как же выйти? Через приемную нежелательно, там много людей, охранник торчит, но опасность в другом. У входа наверняка ждут люди Кабана в машине, думаю, они вас знают.

– Есть еще один выход, – сказала Маргарита Назаровна, указав направление. – Им пользуются посетители, он с другой стороны.

– Зяблик, подгони тарантас, – приказал Сергей. – Ну, вставайте, Маргарита Назаровна, нам предстоит небольшая прогулка. О, да вы в пижаме. Нас не задержат?

– Пижамы, Сережа, – это домашняя одежда. А здесь и не такое увидишь.

Маргарита Назаровна с его помощью слезла с каталки, достала из целлофанового пакета тапочки, сунула в них ступни и взяла Сергея под руку. К сожалению, пришлось пройти несколько длинных коридоров. Там, где никого не было, чтобы сократить время, Сергей брал старушку на руки и бежал вместе с ней, а у поворотов ставил ее на ноги. Так, перебежками и шагом, они достигли выхода и, степенно разговаривая (говорил в основном он), вышли из больницы. Джип стоял неподалеку, они добрались до него без проблем. Ренат крутанул руль, Сергей проследил, не едут ли за ними, но нет, никто не сел им на хвост. Сергей проверил пистолеты и, вынув обоймы, удовлетворенно хмыкнул:

– Стволами мы обзавелись.

– Эти штуки стреляют? – проявила любопытство Маргарита Назаровна.

– Еще как! – ответил Сергей, который на всякий случай смотрел на дорогу сзади.

– Стоило ли так рисковать ради меня?

– Стоило, Маргарита Назаровна, стоило.

– Зачем я им? Чего они хотят?

– Выясним. Позже.

Теперь можно и расслабиться. На короткое время. Не расслабилась только Маргарита Назаровна, она думала: «Откуда берутся такие напасти? Что мы плохого сделали?»

Тот же вечер. Египет

Солнце клонилось к закату, но прохладней не стало. Лежа в шезлонге у кромки воды, Майя повернула скучающее лицо к Ларисе:

– Наконец-то еще один день заканчивается. Нет, для Египта две недели слишком много. Как мне здесь надоело...

– А мне и месяца мало, – заявила подруга. – Ты не умеешь отдыхать с пользой для души и тела.

– Для души здесь ничего нет, а мое тело уже наелось солнца и моря.

– Для души тут полно экзотики, только слепые ее не замечают, а для тела... – Лариса приподнялась, чтоб лучше видеть Майю. – Между прочим, на тебя с первого дня положил глаз инструктор по дайвингу...

– Арабы не в моем вкусе.

– О... – протянула Лариса с жалостью. – Сколько ты теряешь в жизни. Я ж тебе не замуж за него предлагаю выйти, а окунуться в водоворот настоящей страсти с восточным привкусом. Многие женщины из нашей обнищавшей на мужиков России специально едут сюда в поисках любовных приключений. Ласковое море, пальмы, песок...

– На котором нельзя валяться, – заметила Майя. – Какая-нибудь сороконожка вцепится, потом будешь полгода по врачам бегать.

– Я ей о возвышенном, а она о низменном, – вздохнула подруга.

Лариса – полная противоположность Майе, что их объединяет со школьной скамьи, для всех неразрешимая головоломка. Речь идет не о внешних признаках, хотя и тут девушки разнятся диаметрально. Майя – тонкая, как стрела, смуглая, с точными чертами лица, с жаркими глазами цвета корицы, которые оттеняют каштановые волосы до плеч. Глядя в ее горящие глаза, можно предположить, что натура она страстная и любвеобильная. Ничуть не бывало. Майя сдержанная, решительная и властная. Возможно, на нее наложила печать работа, она ведь руководит риелторской фирмой, но многие считают, что Майка такая с рождения. Были у нее мужчины – прогнала. Последний не прогонялся, упрямый попался. Майя сбежала от него в Египет, чтобы определить, какое место он занимает в ее жизни. Привязалась она к нему, он, по его словам, тоже, но дальше привязанности дело не двигается, что стало ее раздражать.

Лариса... О, Лорик – другая. Пышненькая, белокожая, медлительная, со смазливим лицом Барби, но самое удивительное, что она умудрилась сохранить подростковый ум до тридцати лет. Не работает. А зачем такой хорошенькой работать? Обеспечивать ее должны мужчины, их у Ларисы немало. Разумеется, это состоятельные люди разных возрастов. Сказать, что она стремится замуж, – нельзя. Жизнь у Лорика – сплошной праздник без мужа, скучать ей некогда. На одни магазины уходит уйма времени. А сколько его забирают портнихи, салоны красоты, болтовня с приятельницами под чашечку кофе? Опять же, надо побаловать себя и отдыхом за рубежом, попробовать на вкус аборигенов. Зачем же обременять себя лишними заботами о муже? А если он сразу детей захочет? В роли мамы Лариса себя никак не представляет. При всем при том она отнюдь не акула, отгрызающая куски вместе с руками, которые их держат. Потрясает то, что ей удастся вести такой образ жизни без напряжения и душевных затрат.

– Ладно, – Лариса снова вздохнула, – отставим араба. К тебе клеился англичанин. Мужчина, прямо скажем, видный, с деньгами. Одинокий! Я холостяков определяю с первого взгляда...

– У него нос длинный.

– Ну да. Итальянец ростом не вышел, ирландец не нравится тебе без причин, – перечисляла Лариса. – Ты безнадежна. Что ж, пусть тебя любит твоя работа.

Трубка Майи зазвонила, она посмотрела на дисплей, некоторое время раздумывала – отвечать или нет, но все же поднесла мобилу к уху:

– Слушаю... Алло! Говорите...

Не дождавшись ни звука, она захлопнула крышку мобильного и кинула его на пляжную сумку.

– Опять? – спросила Лариса.

– Опять, – вздохнула Майя. – Что за звонки по нескольку раз на день?

– Наверное, твой звонит, – зевнула Лариса.

– Вряд ли, номер не определен. Не понимаю.

– Это мужчина, – сделала вывод подруга. – И он где-то рядом.

– Надоел он мне своими звонками, – сказала Майя, собираясь.

– Да, это странный мужчина... Звонит и молчит... А вдруг это шейх хочет украсть тебя в гарем?

Майя звонко расхохоталась:

– Лорик, шейхи любят таких, как ты, – грудастых и бедрастых. Я для него слишком худая.

Ты идешь в отель?

– Иду. – Лариса долго возилась, продолжая болтать: – Шейхи любят разнообразие. Я бы не отказалась от шейха и от гарема. Представь: тебя кормят, одевают, ни забот, ни хлопот.

– И держат взаперти, – дополнила Майя, стоя над подругой.

– Все-таки странные тебе поступают звонки. Хорошо, что мы уезжаем, а то похитят тебя, и что я буду делать? Не смогу объясниться с полицией, даже английского не знаю.

– Умишко надо тренировать, – назидательно сказала Майя. – Катаешься по границам, а до сих пор не соизволила выучить английский.

– Ой, – оттопырила нижнюю губу Лариса. – Примитивный набор слов я знаю, мне хватает. Это ты у нас ищешь, где бы потрудиться. Трудоголик. Не живешь, а...

– Лорик, ты с одинаковой скоростью собираешься на пляж, в ресторан и на самолет. Быстрее не можешь?

– Куда ты торопишься? – пожимая округлыми плечами, лепетала Лариса. – Не умеешь ты получать от жизни удовольствие. Можно подумать, что у тебя в запасе парочка жизней.

– Лорик, у нас разное понимание жизни и ее приоритетов. Ты скоро?

– Я готова.

1920 год. Мамаша

Выехав на пригорок, Яуров натянул поводья. Вдали змеилась неширокая река, искрясь лунными бликами.

– Кубань. А там, – указал Яуров рукой с нагайкой, – мой хутор. Пойдем шагом, лошади притомились.

У хутора он оставил Катю, велел ей держать коней, а сам растворился в темноте. Вскоре вернулся:

– Идем, там тихо.

Яуров знал каждый камешек на собственном подворье, поэтому ввел коней сразу в загон для скота, после чего постучал в дверь домика под соломенной крышей.

– Кто? – послышался испуганный женский голос.

– Это я, мамаша, – улыбаясь, сказал Яуров.

О, сколько радости было у престарелой матери! Ведь она не видела сына два года. Худенькая старушка в длинной белой рубашке и накинутом на плечи шерстяном платке, только приподнявшись на цыпочки, дотянулась до лица сына. Она обхватила его ладонями и целовала, плача и смеясь.

– Погодьте, мамаша, – мягко отстранил ее Яуров. – Да живой я, живой.

Он внес баулы в чистенькую хату, поставил у стены и еще раз обнял старенькую мать. А та вспомнила, что сына надо кормить, и засуетилась. И он вспомнил, что не один приехал, Кати в хате не было, он выскочил на крыльцо:

– Чего стоишь? Заходи.

– А це хто? – задержавшись с двумя мисками у стола и глядя на девушку, спросила мать.

М-да, это вопрос, который он не предусмотрел. Привести в дом чужую женщину, да еще на попечение мамаша, которая неправильно истолкует его поступок, если сказать, что это просто бездомная дивчина, – непорядок. Чужая женщина может войти в дом мужчины только в одном качестве...

– Жена, – солгал он, не думая, к чему приведет эта ложь.

У мамаша затряслись губы, в глазах заискрились слезы – младшенький образумился. Она слова вымолвить не могла, лишь пригласила обоих жестом к столу. И четверть самогона выставила, и на стол собрала, что имелось в запасе, – все ради праздника. А потом подперла ладонью скулу, обтянутую морщинистой кожей, да любовалась невесткой и сыном. Катя ела, давясь и стесняясь своего аппетита.

– Тебя не кормили? – поинтересовался Яуров, когда мамаша, вспомнив, что у нее еще и кусок кровяной колбасы остался, побежала за ней.

Катя отрицательно мотнула головой, ведь рот был занят, и покраснела, смутившись. Да, ей забывали принести еду, а воду она нашла в бочке, ею и питалась. Вернулась мамаша, снова уселась, изучая невестку.

– Гарна, – дала она оценку и обратилась к сыну: – Из какой же станицы вона?

– Из какой ты станицы? – перебросил он вопрос Кате.

– Из... – еле проглотила кусок девушка. – Из Москвы.

– Из Москвы она, – сказал Яуров, наливая себе самогона. – Но это не станица, а город.

Слыхали, мамаша?

– Ой, слыхала, – улыбалась старушка.

– Кто на хуторе? Белые или красные?

– Уси буллы, – млела мамаша. – А зараз никого нема. У суседей теж нема.

– А в Варениковской, Темрюке кто? Мы тут недалече.

– Ой, не знаю, сыночек... це ж далеко. А ты уж и не по-нашему балакаешь, зовсім другий стал. Кажуть, Милька твоя с офицерами гуляла... да тобі вона уж не надобна.

Много говорили. Мамаше не нравилось, что сын на стороне красных, ведь сначала власть их приняли на Кубани, а они что творить стали? Бросила упрек сыну: мог бы в память о погибшем брате не воевать на стороне красных, но тот отмалчивался, давая матери высказаться. Пожаловалась она и на его старшую сестру, которая с белым офицером сбежала, а куда – никто не знает. Но все разговоры – так, ее внимание было приковано к невестке, вдруг она спросила:

– Венчаны?

Еще один неожиданный вопрос, поставивший Яурова в тупик. Солгать на этот раз – не дай бог, мамаша прознает, будет скандал. Он отиутился:

– Нынче у нас все по-другому, без венчания...

До этого умиленное лицо матери вдруг стало строгим, она нахмурилась, голос ее приобрел стальной оттенок:

– Як же це так? Без венца? Ты чогу учудив? Шо ж я людям казать буду? Так... – она поставила ладони на стол, оттопырив костлявые локти в стороны. – Завтрева повенчае-тесь.

– Не могу, – сказал Яуров. – Мне до утра вернуться в отряд надо.

– Цыть! – неожиданно рявкнула мамаша и поднялась. – Хиба ж так можна? Дивчину привиз, жинкой назвав, а вона тобі и не жинка?

– Мамаша... – попробовал остановить ее сын.

– Цыть! – ударила она ладонью по столу, Яуров втянул голову в плечи.

Мамаша заменила им отца, потому слово ее было законом. Часто воспитывала детей затрепинами, даже старший брат побаивался ее, а точнее, уважал безмерно за внутреннюю силу, за крепкий характер. Но она недолго возмущалась, быстро подобрела:

– До утра, кажешь?

И откуда взялась у нее скорость – на вид ведь древняя. Мамаша ушла в другую комнату, оттуда доносилась возня. Тем временем Яуров косился на Катю, стесняясь суровости матери и того, что он у нее в подчинении, но девушка была занята только едой. Вышла мамаша, одетая в праздничную одежду, расстелила белый платочек на столе, на середину положила кусок сала, яичек, кровяную колбасу, хлеб и кринку кислого молока поставила, все завязала в узел, после указала гостям на дверь.

– Куда? – вытаращился Яуров.

– До попа. Вин вас зараз повенчае.

Только этого ему не хватало! Яуров резко встал, задел головой полку, упал на табурет и стал возражать:

– Мамаша, времени нет... Я привез тебе невестку, чтоб не одна ты здесь маялась, а мне пора...

– Матери перечить удумал? А ну, геть из хаты!

Мамаша с узелком шла впереди, Яуров с сонной Катей чуть сзади. Он был зол без меры, но спорить с необразованной матерью, которая не понимала новых порядков, – себе дороже, все равно венчание ничего не значит, потому что бога нет.

Мать упрямая, разбудила попа, а жил он прямо в церквушке, заодно караулил ее от разорения. Тот удивился неожиданной просьбе:

– Кто ж это ночью венчается? Будто воры.

– А як дите родится? – канючила мать плаксиво.

– Мамаша, дите не родится, – заверил сын, но она ему сурово бросила через плечо:

– Цыть! – И елейным голосом обратилась к попу: – Як же дите буде жить? Воно ж незаконным буде.

– А кто венцы подержит? – не соглашался поп.

– Я, – сказала мамаша.

– Не положено...

– Батюшка, – со слезой произнесла она. – Ты глянь, шо вокруг робится. Разве ж положено, шоб батько с сыном воевали? А ты кажешь... Венчай! – рявкнула она напоследок.

– Кольца есть? – буркнул батюшка. Хоть и не по правилам, тайно, а отказать он не смел, дело-то богоугодное.

Мать сняла золотое кольцо со своей руки, второе, серебряное, достала из узелка.

– Мамаша, – робко подал голос Яуров, – это ж кольца ваши с папашей...

– Цыть! – Для сына у нее был один ответ. – Крепше брак буде.

– Уж и слова сказать нельзя, – ворчал сын. – От вас только и слышать: цыть да цыть.

Батюшка переделся в рясу, зевая, зажег свечи, подозвал молодых – записать в книге имена. Яурова он знал, ему не задал ни одного вопроса, только Кате:

– Как звать? Чья будешь?

– Екатерина, дочь потомственного дворянина полковника Леонарда Трегубова и польской баронессы Марии Холоневской.

Яуров косился на Катю с выражением, которое говорило само за себя: ну и вяпался я. Да и батюшка перестал писать, глядя поверх очков на девушку, как на сумасшедшую. Потом попросил повторить медленно, записал и начал обряд венчания.

Вдруг Катя, слушая первые молитвы, поняла, что выходит замуж за человека незнакомого, из другой, далекой среды, которого не знает даже, как зовут. И это навсегда. Это ее приговор, расплата за жизнь, которую она нечаянно получила и теперь обязана забыть все, что было до расстрела семьи...

– Обещалась ты кому другому? – долетел до нее вопрос батюшки.

Перед глазами возник каток, Кате тогда исполнилось пятнадцать. Коньки скрипели по льду, падал мокрый снег, много фигур рассредоточилось по белому скользкому полю. А она, впервые услышав «я вас люблю, Катенька», никого не видела, только юнкера Вадима, шепнувшего ей волшебные слова, изменившие в одночасье весь мир. Потом был январь семнадцатого, помолвка и счастье от того, что ее жизнь пройдет рука об руку с Вадимом. Поцелуи в темном углу...

Ее чуточку толкнул локтем Яуров, Катя очнулась:

– Что?

– Обещалась ты кому другому? – повторил батюшка.

Каток, «я вас люблю», помолвка, поцелуи – все это в прошлом, к которому нет возврата, значит, его и не было. Катя сказала:

– Нет.

Теперь ее ждала другая жизнь, которой она не знала, лишь чувствовала, что входит в нее голенькой, маленькой, абсолютно беззащитной.

– Венчается раб божий Назар рабе божьей Екатерине...

Итак, ее мужа зовут Назар, он – кубанский казак, борется за советскую власть, а она эту власть, уничтожившую родных и едва не растерзавшую ее саму, ненавидит.

– Венчается раба божья Екатерина рабу божьему Назару...

Из глаз Кати выкатилось по крупной слезе, когда она целовала венец, который батюшка потом надел ей на голову – держать-то некому. Расстаться с прошлым невозможно, его можно только оттеснить и учиться всему заново.

Яуров проводил мать и жену до дома, вывел коней, вскочил на своего, а второго взял за повод и был таков. Свекровь еще долго вздыхала, глядя в ту сторону, куда усакал сынок, потом позвала невестку:

– Пишлы до хаты.

– Как вас зовут? – идя за нею, спросила Катя.

Свекровь остановилась, повернулась к ней, сверху донизу смерив взглядом невестку, с которой ей теперь предстояло делить хлеб и кров, и сказала строго:

– Так... хiba ж ты не знаешь, як звать мать мужа? Мамаша я тоби, мамашей и кличь. А люди гукают мене бабой Фросей.

Мамаша выделила Кате комнату с настоящей кроватью, сундуком, полкой и столом. Катя улеглась на мягкую перину, в которой сразу утонула, и впервые за много-много дней уснула, не боясь проснуться завтра.

6

Наши дни. Анонимка

Маргарита Назаровна спала в доме, а Сергей и Ренат устроились на ступеньках, между ними стояли бутылка водки, тарелка с закуской, тут же лежали две пачки сигарет (одна успешно опустела) и зажигалка. Ночная прохлада и деревенская атмосфера с пением сверчков располагали к душевным беседам на мирные темы, но мира-то в душе не было. После детального рассказа Сергея оба долго и молча курили, иногда помолчать – это лучший способ унять бушующие эмоции, которым все равно нет выхода. Поглядывая на друга, Ренат не поинтересовался, мол, что ты надумал? Сергей старше его на шесть лет: в те времена, когда восемнадцатилетнего Зяблика оторвали от маминой юбки и кинули в котел, как кусок мяса, тот уже был лейтенантом и командовал такими же необстрелянными пацанами. Выжили единицы, в том числе и Ренат. С тех пор он изменился, жизнь изменилась, но осталась болезненная тяга к справедливости, как у многих выживших тогда, как у того же Сергея. Далеко не всегда эта тяга имеет законные корни, но тут уж ничего не поделаешь.

– Обычно убивают, когда хотят упредить опасный поворот событий, – высказал он свою точку зрения по поводу Спасского.

– На это же намекнул и Каюров, – сообщил Сергей, наливая по пятьдесят граммов. – Так и сказал: «Он крупно достал кого-то». Правда, это только его предположение.

– Но когда уничтожают всю семью, это может быть и месть.

– Или акт устрашения, – добавил Сергей. Выпили. – Причин может быть несколько. Знаешь, что меня озадачивает? Во-первых, зверский подход, как на войне без правил. Во-вторых, там что-то искали. В-третьих, Симу насильовали на глазах отца, потом его повесили... Что-то им от него было нужно.

– Даже если они получили то, что хотели, убийство всей семьи, с их точки зрения, оправданно: убивали свидетелей.

Сергей закурил. Уставившись в одну точку, он сосредоточился на своих мыслях. Не мешая ему, Ренат тоже достал из пачки сигарету, шелкнул зажигалкой...

– А я думаю, они ничего не получили, – сказал Сергей.

– Ты бы разве не отдал, если б у тебя на глазах твою дочь?.. – возразил Ренат, хотя и вяло. В его представлении ничто не стоит человеческой жизни, тем более жизни родных людей.

– Попытаюсь объяснить. – Сергей сначала сидел к нему боком, теперь развернулся лицом. – К матери Глеба приходит незнакомая женщина, представившаяся работником социальной службы. С ходу сообщает, что сына Маргариты и всю семью убили. У старушки происходит сердечный приступ, ее откачивают, женщина в это время линяет.

– Понятно.

– А мне нет. Зачем добивать старуху?

– Похоже на месть...

– Зачем же ее пытались сегодня выкрасть? Накапал бабушке в стаканчик яду или дал таблеточку – и все дела. Никто не заподозрит, что ее отравили, полагаю, вскрытия не делали бы, а поставили б диагноз: умерла в результате психологической травмы. Дать таблеточку могла и незнакомка, что приходила к ней в больницу.

– А вдруг женщина действительно была работником социальной службы? Это черствые люди. К тому же предстоит захоронить целую семью, она пришла узнать, есть ли деньги на это мероприятие.

– Не знаю, мне так не кажется. Тетка не сказала точно, из какой она службы. А кому сегодня могла понадобиться Маргарита Назаровна?

– Убийцам.

– Зачем? Что она может знать о делах сына? Тем более таких, за которые платят жизнью. Думай, думай, Зяблик, ты же топ-менеджер, обязан уметь головой работать.

– У меня несколько иная сфера деятельности, – усмехнулся Ренат. – Спроси у этого... Кабана. Он знает.

– Обязательно спрошу, – зло процедил Сергей. – Но не странно ли: Маргарита Назаровна пролежала в больнице целую неделю после убийства, ее не трогали, вернее, пытались мягко убить. И вдруг сегодня решили выкрасть.

У Рената не было идей, он пожал плечами:

– Наверное, ждали, когда сама умрет. Или стечение обстоятельств было не в их пользу.

– В любом случае, Маргарита Назаровна им понадобилась живой, а не мертвой. Поэтому я считаю, что им не удалось получить у Спасского то, за чем они приходили.

– Это нереально. Глеб Александрович отдал бы все, включая свою жизнь, но не подставил бы детей и жену под пули.

– Что же они там искали? – мучился Сергей. – Для чего пытались выкрасть из больницы его мать? Не клад же нашел Спасский, который у него хотели отнять.

– И такое случается.

– Ай, брось.

Сергей разлил остатки водки, выпили не чокаясь. Покурили. Время близилось к часу ночи...

Проснувшись, Маргарита Назаровна некоторое время лежала, рассматривая непривычную обстановку, и вдруг услышала странные звуки, будто рубят дрова. При этом ударов топора не было слышно, но гортанные и короткие междометия звучали точно так же, как при рубке. С первой попытки ей не удалось подняться – неприятно потянул послеоперационный шов, но со второй Маргарита Назаровна встала с кровати, вышла во двор, заглянула за угол дома и вздрогнула. Мальчики били друг друга. Совсем немного ей времени понадобилось, чтобы успокоиться: это у них зарядка такая или развлечение. Сережа был помощней Рената, но тот, изловчившись (Маргарита Назаровна не поняла, как именно), повалил его и прижал к земле.

– Извините, мальчики, – сказала она, – я хотела спросить, где можно умыться?

Оба подскочили, подошли мокрые, словно под дождем побывали.

– Умыться? – переспросил Сергей. – Рядом с кухней есть комната с душем и умывальником. Да, Маргарита Назаровна, у вас же, наверное, диета. Вы скажите, что вам можно есть, мы купим.

– Мне все равно.

Она ушла в дом. Ренат заметил с сочувствием:

– Плохо ей, жизнь не мила.

– А ты молоток, – с изумлением похвалил его Сергей, уходя от жалостливой темы. – Навыки улучшил. Небось вкальываешь на тренажерах.

– Вкальываю, – хвастливо произнес Ренат. – На одних тренажерах навыков не приобретешь, я хожу в группу тхеквондо. Мне надо быть в форме, но бегать по дорожкам или выжимать штангу я не могу, скучно. Серега, ты бы расспросил, что она знает о причинах гибели...

Он осекся, так как Сергей очень выразительно на него посмотрел, оперев руки в бока. Язвительно прозвучали и его слова:

– Какой умный! Кто из нас менеджер, а? Да еще «топ». Вот и топай к ней с расспросами. В твои профессиональные обязанности входит налаживать с людьми контакт, даже если они этого не хотят.

– Между прочим, ты тоже не продавцом булавок работаешь.

– Меня пристроил на теплое место дядя жены, – Сергей поднес указательный палец к носу Рената, давая понять, что спорить с ним не имеет смысла. – По сути, я дуб, как все вояки. Так что разговоры разговаривать доверяю тебе, а командовать буду я, по привычке. – И в довершение сказанного хлопнул его по спине ладонью.

Вылив друг на друга по два ведра воды, Сергей и Ренат нажарили яичницы с колбасой, а Маргарите Назаровне сварили яйца – это все, что им было известно о диете. Она ела неохотно, механически, пребывая в собственном закрытом мире, огороженном невидимой стеной. Казалось, она лишь выполняет обязанности, которые, в сущности, для нее неважны, как запрограммированный ритуал, не более. Сергей с Ренатом, украдкой наблюдая за ней, переглядывались, им было словно неловко из-за того, что не их коснулась беда. Оба понимали, что надо бы вести себя чуть-чуть непринужденней, сказать что-то ободряющее, но не могли. Хотелось уйти от этих скорбных глаз, от жалости, скребущей душу хуже кошки. Сергей взял чашку с чаем и вышел, бросив на ходу:

– Мне надо позвонить. – Очутившись во дворе, он позвонил Каюрову. – Здравствуй, это я. Как там у вас?

– Работаем.

– А все же? Новости есть?

– Не прошло и двух суток, а тебе новости подавай?

– Что-то голос у тебя больно оптимистичный, – определил Сергей. – Раскальвайся, Каюров. Я ж не пацан с улицы, чтоб скрывать от меня ваши планы, а то нажму по своим каналам...

– Да ладно тебе пугать. Вчера нам подбросили письмо, в нем сказано, что Спасского заказала племянница.

– Ничего себе! Кто написал донос?

– Аноним. Я лично анонимкам не доверяю, но проверять будем.

– А что говорит племянница?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.